

Владислав Крисятецкий
ОРДИНАРИУМ АНИМА

Миниатюры

Владислав Крисятецкий

Ординариум Анима

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69348574

SelfPub; 2023

Аннотация

Это таинственный голос. Почти неразличим в повседневной суете, зато отчетлив в решающие минуты, когда жизнь замирает в ожидании. Понять его природу невозможно, но именно он остается самым верным средством связи. С внешним миром, с самим собой и с тем, кто хочет быть услышанным.

Содержание

Валерка	4
Двойная сплошная	11
Счастливец	22
Спасибо	30
Забыться	34
23:59	47
Коса на улице	67
Эти стены еще живы	87

Владислав Крисятецкий

Ординариум Анима

Валерка

Ничего-ничего, все будет хорошо. Повторяю раз за разом, словно заклинание. Вот только не слушается организм своего владельца. Не успокаивается – переутомился, наверное. Может, стоит сказать вслух? Как-то раз помогло – все казалось серым, безжизненным... и вдруг губы будто сами выпалили: "Жизнь прекрасна!" И я настолько обалдел от своего собственного голоса, что поверил в этот небесспорный тезис. Временно. Взял себя на пушку. Правда, сейчас другое. Нужно просто притормозить истерично колотящееся сердце и растормозить усталое сознание. Перестать смотреть на часы. Наслаждаться минутами, оставшимися до моего отцовства.

Легко сказать. И есть же люди, способные владеть собой в таких ситуациях. Но это не ко мне. Во, как руки дрожат. Сердце. Мать честная, как оно бьется. Выпусти из груди, так убежит без оглядки. Что ж, правильно. Кому нужен хозяин, закачивающий такие нагрузки вот уже столько времени?

Закурить. Единственное доступное мне сейчас лекарство

от стресса. Две сигареты осталось. Пожалуй, не хватит. Ну ладно, будем довольствоваться.

Будем ли?

Нет, не будем. Хватит. Бросаю. Пусть хотя бы один парень в нашем роду избежит детства в сигаретном дыму. Прадед, дед, папка – все курили как паровозы. Может, хоть меня остановит этот своеобразный шлагбаум.

Ого. Да это смахивает на "программное заявление"? Неужели серьезно? И в который раз бросаю?

В последний. И решительный.

Вот так. Скомкано и выброшено. Хорошее начало. Начинаем лепить из Валерки спортсмена, комсомольца и просто красавца. Ха.

А ведь действительно, сейчас был первый шаг. Первая попытка формирования нового человека по своему усмотрению. Пока еще это возможно.

И каково оно, мое усмотрение?

Хм, интересный вопрос. Каким я хочу видеть своего сына? Ну-у-у, самым умным, самым добрым... эээ, самым красивым... погоди, стоп. Знаю, что будет следующим. "Самым удачливым, самым справедливым, самым веселым..." Самым-самым. Но каким? Каким я и Анька сможем его воспитать? Каким может быть сын у таких родителей? Что мы можем ему дать, чтобы он стал самым лучшим? И что это значит – "самым лучшим"?

Интересно, она задумывалась об этом? Я – нет. Странно. Прошло уже столько времени с того момента, как мы узнали, что у нас будет ребенок. Узнали, мило улыбнулись друг другу и бросились решать всякие бытовые вопросы. Да, сложностей немало. Они есть и будут. Новый человек все-таки. Мы много думаем о нем... Но, с другой стороны, словно и не о нем, а о живом кулёчке весом около пяти кило. Забываем думать о том, что случится с ним завтра, послезавтра. Рано? Придет время, и задумаемся? Настанет пора, и все будут в восторге? А что, если эти дни пройдут незаметно для нас, за чередой "проблем на каждый день"? Что если однажды мы посмотрим на него, услышим его – и не узнаем в нем того, кто столько времени был для нас самым главным, источником нашей веры и надежды?

Конечно, мы будем любить его таким, каким он будет. Как и все родители, мы будем отдавать ему все самое лучшее, следить за каждым его шагом и каждым его днем. Но дни сложатся в месяцы, в годы. Мы перестанем быть предельно внимательными сначала друг к другу, а затем и к нему. Не потому, что мы с ней такие уж плохие люди. Просто время внесет изменения в детали этого механизма под названием "Семья". Одним из них суждено безнадежно состариться, другим – неизбежно обновляться. С каждым днем нам все сложнее будет поспевать за нашим чадом; донести до него то, что мы ему еще не дали; вложить в него то лучшее, что найдется в нас самих. Мы станем торопиться, стараться опе-

редить время. Забывая, что нам не дано это. Как и всем родителям. В этом мы с Аней ничуть не отличаемся от остальных. Мы пройдем по тому же самому маршруту, обойдем те же самые флажки, придем к такому же самому финишу. Наша жизнь привела нас к тоннелю, из которого уже нет какого-то иного выхода, кроме одного-единственного. Мрачно-вато звучит? Да нет, на самом деле тоннель и освещенный, и отапливаемый, и людный. У него вообще только один недостаток – в нем не предусмотрены повороты. Придумывать их и пытаться всячески маневрировать – означает ранить того человека, с которым ты в этот тоннель попал. И того человека, который благодаря тебе пришел в этот мир, но еще находится там, снаружи, и наслаждается жизнью, которая пока напоминает всего лишь беззаботную игру. Должна напоминать, если ты все делаешь правильно. И тогда должна радовать тебя, потому что это и твоя жизнь тоже.

Впрочем, несмотря на то, что время не стоит на месте, не думаю, что мир сильно изменится, когда Валерка повзрослеет. Это сродни непрерывному вращению Земли – стремительному движению, на которое мало кто из населяющих ее существ обращает внимание. Да, изменятся правила, по которым мы существуем. Изменятся внешние условия. Приспособляемость человечества к этим изменениям. Но не изменится сам человек. Останется противостояние, скрытое от посторонних глаз. Все так же он будет вынужден либо слепо подчиняться своим страстям, либо бороться с ними. Бес-

покойная совместная жизнь хорошего и плохого, что есть в нас. Выбор в пользу одного или другого и ответственность за этот выбор. Поэтому не пострадают с течением времени алчность, лживость, лицемерие. Но поэтому же сохранятся и доброта, бескорыстие, искренность. Просто не каждый, глядя на происходящее вокруг, отважится на выбор трудного, но честного пути в ущерб легкой, но в целом бессовестной жизни. Не каждый предпочтет принципы лазейкам. Не каждый захочет сохранить руки чистыми, если появится возможность, сделав пару ловких движений, подняться выше окружающих.

Хочу ли я, чтобы Валерка вырос именно таким, одним из немногих? Мне трудно ответить. Это вечное противоречие. Жизнь без лишних страданий или жизнь, обреченная на одиночество и непонимание "людей из большинства", на которых ты не похож. Выбор, очевидный для стороннего наблюдателя, далеко не так очевиден для отца человека, о котором идет речь. Да и не мне делать этот выбор. Наступит момент (день, месяц, год), когда парень сам выберет направление на перекрестке, сам добровольно сделает первый шаг. Наша с Аней задача – подготовить его к этому моменту. Научить терпению. Вниманию к людям и уважению к ним. Вере в себя и свои способности. Умению думать и оценивать поступки самостоятельно, не полагаясь всецело на чужое мнение. Научить различать цвета этого мира и их оттенки, которых во много раз больше и которые говорят о сути проис-

ходящего в тебе и вокруг тебя во много раз вернее, чем заголовки, лозунги и неоновые вывески.

Конечно, насколько это может быть доступно нам, простым среднестатистическим смертным с высшим образованием. Ясно, что все это непросто. Значительно более непросто, чем кажется на первый взгляд. Что гораздо проще говорить об этом, чем воплощать слова в дела. Ясно, что жизнь не каждый день дарит нам яркие примеры торжества добра над злом и правды над неправдой. Настолько нечасто, что даже умудренные годами люди со временем начинают сомневаться в том, что такие примеры вообще были, и перестают верить в собственные силы.

Но мы с Аней молоды. Энергичны. И достаточно умны, чтобы понять, что ничто вокруг не изменится, пока мы не изменим что-то в себе. Что наш ребенок сможет вырасти сильным и чутким, только если с детства будет видеть такими своих родителей. Значит, все начинается с нас. Это мы с ней должны стать выше трудностей, которые нас подстерегают. Мудрее. Тоньше. Лучше.

И почему-то мне верится, что мы сможем. Во всяком случае, сделаем все от себя зависящее. Ведь мы действительно хотим этого, правда? Аня?

Женский голос за моей спиной. Раз за разом он произносит мою фамилию.

Торопливо оборачиваюсь.

Немолодая женщина в белом халате, близоруко прищуриваясь, недоуменно разглядывает немногочисленных посетителей. Наконец, замечает меня. Пробирует нахмуриться, но, видя выражение моего белого как снег лица, смягчается.

Делаю два порывистых шага к ней и замираю, не сводя с нее своих сумасшедших от волнения глаз.

Улыбка.

Она преображает эту усталую женщину, делает ее ослепительно красивой.

Несколько секунд она по-матерински ласково смотрит на меня. Затем кивает головой.

Вот оно, начало.

С днем рождения, сынок.

И тебя с днем рождения, новоявленный папаша. Ведь сегодня родилось что-то новое и в тебе, не так ли? Если, конечно, в твоей памяти сохранится этот день и эти несколько минут наедине с самим собой.

Июнь-июль 2006

Двойная сплошная

– Алло, день добрый! Катерину могу услышать?

– Я слушаю.

– Привет, Катя.

– Привет. А вы кто? Не узнаю, простите.

– Это Олег. Мы познакомились у Глеба неделю назад.

(пауза)

– Ах, вот оно что... Ну что ж, радостно, что все же объявился. А то уж я не чаяла услышать. Как в воду канул – ни ответа, ни привета.

– Да, извини. Немного не сложилось. Было много всяких... Все на бегу, в общем.

– А что за шум там у тебя? Ты с мобильного, что ли?

– Ага.

– Так тебе неудобно разговаривать, наверное?

– Ничего, я и дома-то редко бываю. Только по мобильнику со всеми и общаюсь.

– Ясно. А я вот наоборот почаще дома стала задерживаться. Ждала твоего звонка, веришь?

– Что ж, мне приятно это слышать.

– А ты, похоже, и не догадывался об этом? Может быть, наше знакомство показалось тебе нелепой случайностью? Признаться, я надеялась на его продолжение. Причем на бо-

лее скорее, чем этот торопливый звонок через неделю.

– Да-да, Катя, ну что же поделаешь.

– Я чувствую, что ты идешь, у тебя дыхание сбивается. Остановись где-нибудь, давай поговорим. Или ты просто хотел помахать мне рукой?

– Нет, я как раз ищу тихое место для разговора. Секунду.
(пауза)

– Сейчас лучше слышно?

– Да, так гораздо лучше.

– Отлично.

– Итак, ты позвонил. Для чего?

– Хотел поговорить с тобой. И чувствовал, что надо поговорить, иначе я был бы неверно понят.

– Начало интригующее. Похоже, готов сказать что-то важное?

– Я не забыл о нашем знакомстве. Каждый день вспоминал о тебе и о том, что было между нами той ночью.

– Звучит искренне. Похоже, рядом с тобой действительно никого нет.

– Хотя я не могу сказать, что той ночью с тобой был именно я. То есть, я был в таком состоянии...

– Брось, я понимаю, что тогда мы оба были навеселе. Ты это хочешь сказать?

– Нет, дело не в этом. Конечно, мы были в компании, выпивали... Куда же без этого... Но... Я все помню. Как увидел тебя, как мы заговорили, как танцевали, как пошел тебя

проводить...

– ...Как попал ко мне в квартиру, и чем мы в ней занимались, как проснулся, оделся и тихо исчез, пока я спала. Ни оставив ничего после себя, даже записки, даже номера телефона. Думал, что я обо всем забыла? Современная девушка без комплексов? Сторонница секса на один раз? Но ведь, помимо этого, мы многое сказали друг другу. Или, может быть, этого твоя память не зафиксировала?

– Катя.

– Да.

– Я помню главное. Мое состояние. Душевное состояние. Я говорил с тобой откровенно, и мне было хорошо оттого, что ничего не мешало сказать тебе всё, что я хотел. Всё, о чем думал тогда. Я помню и твою раскованность, и думаю, что тебе тоже было хорошо. К чему теперь выяснять отношения, раз мы оба все помним и не открещиваемся от того, что между нами было?

– Ты исчез. Спрятался от меня. И я почувствовала себя глупо. И было больно, досадно.словно я, как боксёр, чуть расслабилась, и тут же получила удар. Неприятно. И непонятно. Я до сих пор не знаю, что думать. Надеюсь, наш теперешний разговор расставит все по местам.

– Я для того и звоню тебе.

– Я вся внимание.

(пауза)

– Знаешь, я солгал. Не было срочных дел, я мог тебе по-

звонить неоднократно.

– Я это сразу поняла. Что еще?

– Ты ждешь пассажира о том, что у меня есть жена и трое детишек?

– Я пытаюсь понять, для чего ты позвонил. Если чтобы извиниться и попрощаться, то прелюдия уж слишком затянулась. Если чтобы назначить новое свидание, то ты взял неверную тональность. Если хотел проверить мое настроение и самочувствие, то я тебе, кажется, довольно четко все обрисовала. За исключением вывода о том, что очень хочу снова тебя увидеть. И лучше сегодня.

– Я не могу.

– Жена и трое детишек?

– Нет, я холост и одинок.

– Тогда что же? Я тоже одинока. У нас обоих нет никаких обязательств ни перед кем. Мы встретились, нам было хорошо друг с другом. Мы выболтали друг другу массу личных вещей и признаемся, что не забыли об этом. Почему мы не можем быть вместе, если хотим этого?... Вернее, я хочу этого. А ты?

(пауза)

– Я помню, как спросил тебя о твоей мечте. Даже помню, где это было. Мы как раз свернули с проспекта на твою тихую улочку. И был такой слабый, едва уловимый ветерок. И запах свежескошенной травы на аллее рядом с твоим домом. Очень романтично. И мне захотелось спросить у тебя о чем-

то таком... возвышенном, неосязаемом...

– Да, у тебя это получилось. Даже твой голос в тот момент был каким-то особенным. Таким душевным, домашним. Я почувствовала себя девочкой.

– Ты сказала, что хотела бы иметь дом возле реки. Просторный, с верандой, с чердаком...

– С видом на лес и реку. И рядом с собой человека, который обнимал бы меня обеими руками и молча смотрел бы со мной в окно. Того единственного, с которым я могла бы разделить эту драгоценность, эти счастливые бесконечные минуты тишины...

– А на лужайке перед домом двое твоих играющих детей. Иногда они бы отвлекались от игры, поглядывали бы в окно и радостно махали руками тебе и ему...

– Да, ты многое запомнил. Это действительно моя мечта. По-прежнему неосуществленная, хотя время идет, и я с каждым днем все приближаюсь к тридцати... А ты о чем мечтаешь?

– Это не так интересно.

– Но все же? Тогда ты сказал то же самое. Это нечестно.

– Скажи, ты когда-нибудь хотела, чтобы тебя вытащили из твоей оболочки и повесили куда-нибудь на гвоздик отдохнуть?

– Что-что?

– Ну, чтобы произошло что-то, что помогло бы тебе на какое-то время избавиться от всего, что тебя окружает, что

накопилось в твоей голове, в сердце, в душе, в памяти? От присущего только тебе восприятия внешнего мира и себя в этом мире?

– Мм...

– Чтобы нашлось что-то или чтобы встретился кто-то, кто освободил тебя от всего твоего скопившегося хлама и всех твоих ценностей. Хотя бы ненадолго отменил все правила и условности, остановил время, остановил других людей. Остановил тебя. Дал бы возможность проветриться.

– Ты говоришь об отдыхе?

– Об отдыхе, но не в обычном затертом понимании этого слова. Об отдыхе от самого себя. От своих привычек, боязней, необходимости соответствовать кому-либо или чему-либо. От тяжести мыслей. От вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня.

– Но... зачем? Необязательно тормозить планету, чтобы дать возможность восстановиться кому-то одному. Каждый когда-то чувствует усталость, но не такую, которая могла бы заставить его отказаться от жизни в своей телесной оболочке, рядом со своими бедами и радостями. Мечтами и способностью что-то сделать ради них. Это лузерство – скрывать себя от себя в чем-то или ком-то другом. Надо жить с собой. Бороться, если это необходимо. И побеждать. По-моему так. Разве нет?

– А ты часто задумываешься о том, ради чего живешь? Ну, ради чего все это? Вот это рождение, цветение, созре-

вание, увядание, смерть... Жизнь! Если кто-то ее дал нам, значит, он хотел этим что-то сказать? Ты думаешь над тем, для чего мы здесь? Для чего это утро с чашкой кофе на завтрак, день на работе, вечер в чьей-то уютной компании или в одиночестве?..

– Думаю, но нечасто...

– А я – часто! Каждый день! Каждый день просыпаться с вопросом "зачем?" и искать ответ, причем убедительный для самого себя! Нормально?! Каждый день! Каждый день бывать в каких-то местах и не понимать – для чего, какой смысл в этих визитах! Каждый день поток бессмысленных слов из своих и чужих уст! Слов, от которых уже передергивает! Ты ищешь отдыха, получаешь свободное время, но все это – блуждание в одной и той же скорлупе, в одиночной камере, где только ты, а все остальные за стенками, через которые не пробраться! Потому что эта жизнь – твоя! И ты вынужден ее терпеть! Ты вынужден терпеть себя! Каждый день! Зная, что никто не придет и не даст тебе передышки в этой бесконечной жизни в самом себе!!!

– Олег, ты кричишь.

– Что?!

– Ты кричишь на меня. Мы не будем говорить в таком тоне.

(пауза)

– Ты хотела узнать о моей мечте. Моя мечта – это не дом у реки, не детишки в траве, не шелест волны. Моя мечта –

это пожить на почтительном расстоянии от самого себя. И эта мечта недостижима. Ее можно подменить чем-то другим и попытаться заставить поверить окружающих в то, что мне действительно важна карьера, машина, дача, победа сборной на чемпионате мира по футболу. Окружающих, но не себя. Я-то прекрасно знаю, что главное – это гармония внутри. Желание видеть себя и не плевать тут же от этого вида, от своих мыслей, суждений, поступков. И видеть, понимать цель всего, что происходит со мной.

– Ты странный, Олег. Вернее, необычный.

– Я не могу жить по инерции, Катя. Живя так, трудно понять, правильно ты живешь или нет. Законы, которые устанавливают люди, только принято считать истиной. О том, как все должно обстоять на самом деле, не знает никто. Значит, нужны какие-то свои законы и уверенность в их правоте. Значит, нужны постоянные вопросы к самому себе и ответы на эти вопросы.

– А что делать другим людям? Тем, которым довелось оказаться рядом с тобой? Тем, которым ты симпатичен? Они должны жить по твоим правилам или уйти? Но в таком случае ты неизбежно будешь оставаться в одиночестве. Потому что жить вот так с тобой – значит съесть себя изнутри и видеть, как съедаешь себя изнутри ты. А это еще болезненнее, чем жить без тебя.

(пауза)

– Теперь тебе понятно, почему я один? И почему я ушел

той ночью?

– Ты хочешь быть один. Несмотря на то, что часто это для тебя – почти физическое мучение. А ушел, чтобы своим отношением к самому себе и к жизни вокруг не сделать больнее такой вот милой девушке, как я. Размечтавшейся о земной романтике. Ага?

– Боюсь, что ага.

(пауза)

– Но раз уж ты так любишь размышлять и задаваться вопросами, то почему бы тебе не подумать о том, что жизнь можно посвятить не только поиску себя в себе, ежедневному копанию в собственных мыслях и последующему злобному отбрасыванию их, не только формулировке законов, пригодных для себя самого. Жизнь можно посвятить жизни. Жизни другого человека. Жизни нового человека. Тогда твоя жизнь будет иметь связь с жизнью вокруг. Тогда твое влияние на мир будет иметь одушевленные контуры. Тогда волшебство, на которое ты надеешься, сможет хотя бы отчасти свершиться, потому что часть твоей ноши сможет разделить еще один живой человек. А когда у тебя родится новый человек, то все лучшее, что есть в тебе, сможет, наконец, найти выход и расцвести снова уже в другом теле, в другой душе.

– Мм...

– Да, я понимаю, почему ты одинок. Но еще мне хотелось бы сказать, почему одинока я. Поиск второй половинки – это не пустые слова. Это не повод для смеха и глянцевого пош-

лости. Это серьезно, иногда это доводит человека почти до помешательства, хотя он зачастую и не понимает истинной причины. Это проблема. Мне тоже нелегко. Смотреть в зеркало и на календарь, висящий рядом. Понимать, что терпение на исходе. Что везения не дожидаться. Что в той жизни, которая за окном, нет места для моих переживаний и незаметных другим истерик. Что время идеалов осталось в юности, а нынешняя объективная реальность раз за разом отрицательно качает головой в ответ на мои запросы, которым либо суждено снижаться, либо оставаться незыблемыми без надежды на изменение моей ситуации к лучшему. Это двойная сплошная линия, которую я сама начертила, и через которую не могу переступить.

– Двойная сплошная?

– Да. Она есть и у тебя. Дело в том, что, по сути, мы с тобой говорим об одном и том же. Разными словами. Разными образами. В меру своей искренности. Говорим, не веря во взаимность понимания, но подсознательно надеясь, цепляясь за него.

– И в конечном счете получая его, всмотревшись в образы и вслушавшись в слова внимательнее.

– Очень хорошо, что ты это сказал.

(пауза)

– Знаешь, я так и не смогу объяснить, почему позвонил. Даже себе самому, тем более тебе. Тогда, ночью, когда я ушел, то был уверен, что мы больше не встретимся, даже

не услышимся. Тяжелое чувство, которое я испытывал, закрывая твою дверь, было запрятано глубоко внутрь, а место это было утоптанно, утрамбовано, заасфальтировано. Та ночь была прекрасна, но я решил вычеркнуть ее из своей жизни. Избавиться как от лишнего груза, который усложняет мое и без того непростое существование. Но вот, мой пресловутый самоконтроль дал сбой. Я перешел ту самую свою линию, о которой ты говоришь. И как только это произошло, я сразу же, прямо на улице выхватил мобильник и стал искать твой номер. Не понимаю, как я смог это сделать. Что я хотел тебе сказать, что услышать от тебя... Но что-то сказал, что-то услышал. Что-то родное есть в твоих словах, в том, как ты говоришь. Возможно, ты права, и твое решение станет и моим выходом из внутреннего тупика. Только время знает все ответы. Я их не знаю.

– Не нужно ответов. Не нужно и вопросов. Достаточно на сегодня. Твой мобильник, наверное, вот-вот разрядится. Я хочу, чтобы ты взял такси и приехал. Я правда этого хочу. Ты можешь это сделать?

(пауза)

– Буду через десять минут.

(гудки)

Август 2006

Счастливец

Не работается. В голову лезут совершенно несвоевременные мысли о грядущих днях рождения жены, а затем и тещи; об очередном повышении цен и деньгах за квартиру. Да еще солнце, наконец, соизволившее появиться из-за облаков, сделало это в тот самый момент, когда ему настало время оказаться прямо напротив моего окна. Щурясь и вяло пытаюсь сосредоточиться, я несколько секунд смотрю в чертеж, затем сдаюсь. Четверть одиннадцатого. До обеда как до луны. Что ж, выход из этой пакостной ситуации только один.

Оглядываюсь на Смирнова. Тоже мучается. Ему еще тяжелее, вчера отмечал годовщину свадьбы. Отметил на славу, это видно по лицу. Поерзав на стуле, поднимает на меня глаза. Жалкая улыбка. Понимаю тебя, старик.

Привычный жест – два пальца к губам.

Облегченно кивает. Еще бы, конечно.

Усмехаемся друг другу и потихоньку исчезаем с рабочих мест. Вроде никто не обращает внимания.

Ну никакого служебного рвения, что ты будешь делать. Опять никакого.

В коридоре встречаем Семеныча. Интересно, почему это наш чудесный фрезеровщик не в цехе? Наверное, потому же,

почему и мы не у кульманов. Организм ждет от хозяина чего-то большего, чем протирание штанов у чертежей или обработка очередной болванки. Какого-нибудь маломальского разнообразия ждет. Хотя бы по случаю наступления весны.

Берем Семеныча с собой. Какие вопросы. Втроем веселее.

В курилке пусто и прохладно. Вот и замечательно. Не до галдежа, хочется спокойствия и безделия, хотя бы на несколько минут.

Некоторое время молчим, каждый погружен в свои мысли. Я открываю окно, впуская пыльный апрельский воздух и пару резвых солнечных зайчиков на противоположную стену. Жалостливый скрип оконной рамы служит началом разговору.

– Аккуратнее с окошком, Саня. Еще пара открываний, и кранты раме, – кряхтит Смирнов, чиркая спичкой. – Аж зимой собирались поменять, да, видно, пока не развалится, не почешутся.

– Да и с подоконником поосторожнее, – добавляет Семеныч, наблюдая за моей попыткой усесться поудобнее. – Подвиг Лехи, я так думаю, тебе вряд ли под силу.

– Чего за подвиг, какого Лехи? – интересуюсь, прикуривая и протягивая сигарету Семенычу.

– Козлова Лехи, кто ж у нас еще спец по экстремальному везению, – изрекает Смирнов, сощуривая глаз от дыма. – Среди моих знакомых нет другого человека, способного среди бела дня грохнуться с четвертого этажа и остаться

целым и невредимым.

– Да ты что? Леха ссыпался с четвертого этажа? – искренне удивляюсь я. – А я не слышал. И жив-здоров, говоришь?

Семеныч криво усмехается:

– Счастливец он и есть счастливец. За дерево зацепился. Пару царапин схлопотал, даже без переломов обошлось.

Сплеываю в окно, качаю головой.

– Вот везет дуракам. А ведь верно, все такой же пружник, что и был, когда здесь работал. Помнится, когда нас всех разгонять собирались, он один на повышение пошел, а?

Смирнов кивает, затягиваясь:

– Да, соскочил в самый нужный момент. Хотя это еще что. Я ж с ним учился на одном курсе – так чего только не приключалось! Начать с того, что поступил в институт он случайно. Сам рассказывал. Кто-то документы в последний момент забрал – и тут как тут он. И взяли ведь, хотя по конкурсу не проходил. Пролез все равно. Лентяй был жуткий, но смысленный, спору нет. Ну, экзамены, зачеты всякие на чистой везухе вытягивал... А девчонку самую красивую на курсе захомотал? Легко так, походя, никого не замечая, а ведь все поголовно за ней ухлестывали... Ох, все пацаны вешались от такой наглости! Отлупить его хотели.

– Ну уж и все, – усмехаюсь я. – Если б все захотели, то тут уж никакое везение бы не спасло. Так и говори: «Я хотел отлупить его как сидорова козла»... или Козлова.

Смеемся.

– Что было, то было, да... – говорит Смирнов, задумчиво глядя в окно. – За Райку тогда ему чуть не накостылял, во время спохватился...

– Да и правильно. Если верить всему, что про Леху рассказывают, то ты, раньше чем ему врезать, споткнулся бы и сам себе фингал набил.

Сигаретный дым в курилке снова приходит в яростное движение от нашего дружного смеха.

– Говорят, и квартиру раньше всех наших получил. Где-то на Вяземской, кажется, – продолжает Смирнов, тыча окурком куда-то в сторону двери. – Двухкомнатную отхватил, гад такой.

– А чего он из окна-то выпал? – вдруг спрашиваю я.

– Не знаю. Да и какая разница? – нервно отмахивается Смирнов. – Напился, наверное, с кем-то. Плясать на подоконнике, может, стал. Поддать еще в студенческие годы был не прочь. Хотя это ему нисколько не мешало. Да и работу-то наверняка получил, с нужным человеком в одной компании засветившись. Не удивлюсь, во всяком случае. Пройдоха, чтоб его...

– Да уж, прямо сынок Фортуны какой-то, – вставляет Семеныч, посмеиваясь.

Только тут я замечаю, что лицо Смирнова помрачнело, даже озлобилось.

– Набить бы ему морду, этому сынку. Хотя бы пару зубов на память с собой забрать, – выплевывает он в сердцах.

– Ты чего? – изумляюсь я.

– Да ничего. Живешь с таким вот рядом полжизни. И ничем он не лучше тебя. Ни умнее, ни красивее. Тоже из простой семьи. А вот ляжет фишка в нужный момент – раз повезет, два, три... И все, живет как белый человек. А ты, парень, продолжай корячиться от получки до получки, своди концы с концами, грызись с женой по вечерам, а по выходным еще и с тещей... И это жизнь? И это заслуженное счастье?

С этими словами Смирнов изо всех сил швыряет недокурную сигарету в стену и выразительно смотрит на меня. Ищет поддержки. Вот и выбрались в курилку нервишки успокоить.

– Да что тут говорить... Пошли работать, Санек. Продолжим зарабатывать наши гроши. А то ребятишки дома никак не дождутся, когда им папки нормальный подарок ко дню рождения сделают. На велик какой-нибудь денегат накопят. Может быть... Черт бы побрал эту жизнь... – машет он рукой и, развернувшись, идет к двери.

В этот момент она распаивается, и к нам присоединяется четвертый курильщик. Серега Маховиков, еще один из нашего ИТРовского племени.

– О, какие люди! – восклицает Семеныч. – Что не весел, сокол ясный? Аль и вам не в радость солнечный денек?

– Сигарета есть? – отрывисто проговаривает Маховиков, не глядя на нас.

– Конечно, угощайся, – отвечаю я, растерянно всматриваясь в лицо Сереги.

Видно, что-то случилось в этом мире, если даже балагур Серега появляется в курилке без своей традиционной глупой улыбки.

– Случилось чего? – слышится голос также заподозрившего неладное Смирнова за Серегиной спиной.

Некоторое время Маховиков молчит, нервно затягиваясь.

– Такое дело, мужики... – наконец говорит он, уставившись себе под ноги, – в общем, Леха Козлов погиб.

Я роняю окурок.

Семеныч сгибается в приступе удушливого кашля.

Смирнов делает несколько торопливых шагов, останавливается перед Серегой и впивается взглядом в его лицо.

– Что?! Что ты несешь, Маховиков! Леха?! Этого быть не может! – кричит он каким-то чужим, каркающим голосом.

Серега ссутуливается, затем прислоняется спиной к стене. Приваливается, вернее. Чтобы не упасть. Скорбное выражение его лица повергает меня в шок даже больше, чем само известие.

– Бросился под поезд, – произносит Маховиков.

Мы стоим как вкопанные, буравя его глазами.

– Выехал за город, дождался состава и вышел на рельсы прямо перед ним. Машинист ничего не успел сделать. Суицид. Вот так вот.

Пустота в его голосе только усиливает нереальность случившегося.

– Бред какой-то, – бормочет Смирнов, бессмысленно качая головой. – Чушь... Нет, этого не может быть... Леха... Самоубийство...

– Откуда знаешь? – спрашиваю я полусшепотом.

– Жену его встретил. Бывшую. Райку.

– Райку? Она разве бывшая? – рассеянно бросает Смирнов.

– Сказала, что развелись полгода тому назад... – отзывается Серега. – С тех пор жил один. И, похоже, сильно пил. Месяц назад уже одна попытка была. В состоянии опьянения. Сорвался из окна квартиры.

– Разве он хотел покончить с жизнью? – спрашиваем мы почти хором.

– Кто ж теперь разберет, – выдыхает Маховиков, поднимая глаза к окну. – Лично я его уже года два как не видел. И не звонил ни разу... А ведь друзьями когда-то были...

– Мне ведь он как-то звонил... – вспоминает Смирнов, потирая лоб ладонью. – Меня не было тогда, он оставил номер. Я не перезвонил... Думал, он опять посмеяться над мной хотел.

– А я его как-то на улице видел, – слышится потрясенный голос Семеныча. – Я еще удивился, чего это он не на машине, да еще одет как-то небрежно. Не подошел к нему тогда. Какой-то вид у него был нездоровый. Думал, с похмелюги,

может...

– Кто ж теперь разберет... – повторяет Серега печально. – Может, в жизни что не сложилось. Может, не повезло. Мало ли что...

Какое-то время я молча смотрю на Маховикова. Его бледно-голубые глаза тоскливо шарят по пейзажу за окном. Затем останавливаются и наполняются слезами.

Перевожу взгляд на оконную раму. Вижу движущееся черное пятнышко на облупившейся краске. Оно удаляется, торопливо уползает прочь. Первая весенняя муха. Даже ей душно рядом с нами.

Апрель 2006

Спасибо

Добрый день, Владимир.

Долго думала над приветствием, наконец, выбрала это. «Добрый день». Действительно, добрый. Он, может быть, и сам не догадывается, до какой степени. Вот уже пятнадцать лет этот день оказывается для меня не просто датой в календаре. Праздник ли это? Наверное. Несмотря на то, что именно в этот день я стараюсь как можно реже показываться на глаза людям, чтобы они не видели моих слёз. Горьких слёз, сменяющихся счастливой улыбкой. Да, вот такая гамма чувств. Конечно, никому она не понятна. Ведь мы переехали в этот город через несколько дней после того, что произошло. И никто, кроме меня, мамы и Сергея не знает о том, что произошло в нашей семье этим днем пятнадцатью годами ранее. Сергей – это мой муж, теперь мы уже не живем вместе. Он полюбил другую женщину, но Сергей – порядочный человек, и я знаю, что он оставит нашу тайну при себе. Я не осуждаю его. После того, что случилось, нам было трудно жить рядом, трудно вечером ложиться друг с другом в постель, трудно каждое утро смотреть друг другу в глаза, улыбаться друг другу. И воспитывать сына вместе.

Сейчас Лешке уже 18. Да-да, самой не верится. Совсем большой, совсем взрослый. Все время боюсь за него, вол-

нуюсь, как сумасшедшая. Он только смеется. Глупый мальчишка. Конечно, он не знает. И слава Богу, что не знает глупины моих переживаний. На днях сдал на права. Представления не имею, как буду отпускать его одного в город на машине. Точно с ума сойду. Как я могла разрешить ему поступить на эти водительские курсы? Просто всё для него, всё ради него. Я не могу его сильно ограничивать, хочу, чтобы у меня был нормальный незакомплексованный мальчик, который вот-вот вырастет в замечательного мужчину. Я знаю, что уже очень скоро он не сможет быть со мной. Что я, несмотря на всю свою привязанность и сумасбродность, не смогу удержать его рядом со мной. Но пусть он будет счастлив. Пусть он будет здоров. Пусть он будет великодушен, смел и решителен. Пусть в этом он будет похож на Вас. Знаете, он у меня такой талантливый. Поступил на самый престижный факультет нашего университета. 12 человек на место, а Лешка взял и поступил. Преподаватели говорят, что у него светлая голова, математический дар. Говорят, что при правильном отношении из него может получиться серьезный ученый. Будет правильное отношение. Будет всё, что только ему понадобится. Я сделаю всё, что в моих и выше моих сил. Потому что это мой сын. Потому что он самый лучший. Это ребенок, которого мне подарили дважды. Первый раз – восемнадцать лет назад его подарил мне Сергей. А второй раз – три года спустя, таким же, как сегодня, августовским днем. На этот раз его подарили мне Вы. И каждый раз, когда я смотрю на

его задорную улыбку; на то, как он болтает с другом по телефону; на то, как он ест или спит – я вспоминаю, что именно Вы подарили, вернули мне его. Я снова хочу сказать спасибо Вам, снова путаюсь в словах, чтобы сказать, насколько сильно я благодарна Вам. И мои глаза в очередной раз наполняются слезами оттого, что Вы никогда не услышите, не прочтете этих слов. У Вас не было детей, не было жены или невесты. Даже родителей, несмотря на то что Вы были еще очень молоды. Ну что ж... Может быть, в следующей жизни нам снова посчастливится встретиться, и тогда, может быть, мне удастся отплатить Вам добром. Кто знает, может быть, уже в вашей квартире случится пожар, и уже я, простая прохожая, не задумываясь, ринусь спасти Вас из огня. Меня, как и Вас, ничто не остановит. И я знаю, что спасу Вас. Даже ценой собственной жизни. Как это сделали Вы, бросившись за моим сыном.

Я перечитаю это письмо еще раз, а затем сожгу его. Спички, пепельница – вот они, рядом со мной. Письмо получилось коротким, гореть будет недолго. Потом я схожу в церковь и поставлю еще одну свечу за Вас.

А через несколько дней я, пожалуй, возьму неделю отпуска и съезжу в тот город, из которого мы бежали пятнадцать лет назад. Хочу побыть на Вашей могиле и попробовать еще раз сказать то, о чем я пишу сейчас. Может быть, случится чудо, и Вы услышите меня.

Спасибо Вам.

Мама Леша Александрова
Ольга Константиновна

Март 2005

Забыться

Щелчок выключателя. Вот и всё. Последняя черта под этим необыкновенно долгим днем. С улицы до меня еще доносятся приглушенные голоса случайных прохожих и шум проезжающего транспорта, но все это уже так – последние формальности, связывающие меня с внешним миром. Я под одеялом, лицом к стене. Один в темноте. Этого момента я ждал с волнением, с тревогой. Казалось, это будут горькие слезы в три ручья, сопровождаемые раскатами грома и порывами шквалистого ветра за окном. Тем не менее, сейчас я чувствую облегчение. Какая-то неожиданная шальная легкость. Ну и правильно, ну и молодец. Расставаться с вещами, событиями и людьми нужно просто, без сожаления. Как и с этим днем. С моим небольшим праздником.

Я решил начать его с первой за долгое время пробежки. Само по себе говорит о многом. Желание внести элемент новизны в собственную жизнь – это ли не значимое событие? Конечно, бежалось очень тяжело. Весь груз прожитых лет будто сосредоточился в области моего безнадежно круглого живота и стал чересчур тяжелым для меня. Но, даже постоянно сбиваясь с дыхания, обливаясь потом и с трудом преодолевая выбранный маршрут под недоуменные взгляды первых школьников, я замечал, впитывал в себя красоту это-

го дня. Зная, что ему суждено стать для меня особенным.

Дальше душ, завтрак (легкий, максимально легкий). Дорога на работу. Пошел пешком. И почему, если вдуматься, все так торопятся забиться в автобус? Это же лишний повод испортить себе настроение, и без того подверженное малейшим колебаниям окружающей атмосферы. Сколько лет и я вот так же ездил, разглядывая мрачные фигуры пассажиров и не отдавая себе отчета в том, что становлюсь таким же серым и безжизненным, погруженным в какое-то подобие мыслей. Но сегодня вышло по-другому. Я был в слишком необычном расположении духа, чтобы делиться им с этими будничными лицами.

На работу опоздал, разумеется. Подумаешь, за столько лет... Да и то ненамного. Однако физиономия Долинина уже маячила рядом с кабинетом – надо же было такому случиться. Впрочем, неодобрения она не выражала, в кои-то веки ее обладатель явился с приятной новостью... Меня повысили. Вот так. Четырнадцать лет. Этой чертовой возни с бумагами. Без надежды на какую-то перспективу. И вдруг меня на место Малышева, на совсем другой фронт работы. На другие деньги. На другой этаж. В другой кабинет. Я даже успел забежать туда, постоял у окна. Вид на улицу, на деревья, на прохожих. На небо. Все еще трудно представить, что мне удалось оказаться вызволенным из моей казавшейся вечной дыры с видом на мусорные контейнеры общежития. С видом на мою прошлую и настоящую беспросветную жизнь. Но это

случилось. Да-да... Мда... Ну? Что же? Разве плох день?

После работы я... хм... побродив по городу и насладившись его осенним великолепием, забрел в ресторан. Воистину, день открытий! Когда я в последний раз мог себе это позволить? Счет на десяток лет потянет, а? Так что вполне можно простить себе эту маленькую (да удаленькую) холостяцкую пирушку за отдельным столиком. Да, спустил почти все деньги, что были при себе. Ну, как-никак новая должность. Событие. Праздник. Правда?

Остававшуюся наличность промотал на такси. Захотелось. Гулять так гулять. Солнце уже клонилось к закату, а я себе катался по городу. Наполнившийся впечатлениями и эмоциями. Отобравший у этого дня столько, сколько уместилось в моих прохуdivшихся за годы карманах. Надо же, почти забыл, что это значит – радоваться жизни. Что ж, для того такие дни и созданы. «Удачные». Просто кому-то они выпадают часто, а кому-то, как мне, редко.

Наконец, вернулся домой. Принял теплую расслабляющую ванну и перестелил постель. И вот он я – чистый, сытый, разомлевший – лежу, вдыхая запах чистого белья. Засыпаю. И напоминаю себе в очередной раз, уже с закрытыми глазами – просто на тот случай, если за оставшиеся до сна минуты успею забыть – ах, какой это был прекрасный день.

Потрясающе.

Все-таки удивительно, насколько взгляд под определен-

ным углом способен порой полностью видоизменить события, придать им совсем иные краски. И люди пользуются этим фокусом. Достаточно несколько раз повторить про себя «я ни в чем не виноват», и вот ты уже на самом деле не так уверен в том, что реальность была такой, какой ты ее увидел. Она становится нечеткой, полупридуманной, и особенно легко тебе удастся с ней поладить, когда свидетелей произошедшему не оказывается. Кроме тебя самого. Тогда все зависит только от тебя. От твоих способностей. От твоей совести. Часто это напоминает защитную реакцию, когда таким образом обретается способ продолжать жить прежней жизнью, продолжать уважать себя, казаться себе не хуже других. Напоминая при этом человека, страдающего от боязни высоты, для которого главное – не смотреть вниз. Но где граница? Что человек может себе простить? Разве всё, что угодно?

Вчера, незадолго до окончания рабочего дня, ко мне зашел Долинин. Как обычно сама деловитость. Прошелся по кабинету. Пара дежурных вопросов. Наконец, перешел к главному. Речь зашла о Малышеве. Случилась неприятность – наш неугомонный Виктор Иванович поскандалил с директором. С Малышевым такое порой случалось, ему не всегда удавалось обуздать собственные эмоции, даже в разговорах с начальством. Долинин не уточнил, что именно он наговорил на этот раз, но, видимо, что-то серьезное, раз это перепол-

нило чашу терпения директора. Он задумался об увольнении Малышева. Впрочем, тихо уволить сотрудника без взаимных претензий показалось ему слишком скромным. Повертев в руках папку, с которой пришел, Долинин извлек оттуда листок бумаги, который оказался ничем иным как коллективным письмом. В нем сотрудники завода во весь свой неосязаемый голос протестовали против работы рядом с алкоголиком и тунеядцем Малышевым, о чем свидетельствовало уже несколько подписей представителей нашего трудового коллектива. В ответ на мой изумленный взгляд Долинин протянул мне ручку.

– Давай, подписывай, – сказал он, внимательно глядя мне прямо в глаза.

– Но это же чушь, – возразил я. – Малышев всегда отстаивал интересы работников, причем с пеной у рта, за что и поплатился. Да и не пьет он почти. Какой же он алкоголик?

– Ты не понял, – неторопливо произнес Долинин, кладя ручку рядом со мной. – Дело не в Малышеве. Так или иначе, его уволят, и это уже решенный вопрос. А вот вопрос, который не решен, заключается в том, кто займет его место. И здесь у тебя очень хорошие шансы. Было бы глупо упустить такую возможность.

Я молча смотрел на него, не веря своим ушам.

– Обалдел от счастья, что ли? – наклонив голову в сторону, усмехнулся он.

– Но... я так не могу, это же ложь, – пролепетал я расте-

рянно.

– А-а-а, понятно, – улыбка Долинина стала шире и еще неприятней. – Интеллигентные колебания. Ничего страшного в этой бумаге нет, не волнуйся. Возможно, ей и вовсе не будет дан ход. Да и Малышев, если не будет чудить, устроится на другой завод без проблем. Просто после случившегося конфликта директору нужно знать, что за климат в коллективе. Проще говоря, кто на его стороне, а кто нет. И тебе лучше на ней оказаться, ведь с этой работой так много всего в твоей жизни связано. Нелепо проработать почти пятнадцать лет в ожидании лучших времен и уволиться накануне такого важного назначения, согласишься. И подписывай.

Это Долинин. Зам. директора. Серый кардинал. Он знает всё. Все слабости сотрудников, в том числе и мои. Он пришел, ни секунды не сомневаясь, что добьется моего согласия. И ушел всего через несколько минут. Унося на листке мою фамилию, инициалы и корявую подпись, которая по-прежнему стоит у меня перед глазами.

Судьбой было суждено, чтобы мы с Малышевым встретились меньше, чем через час. Я не сразу заметил его, иначе, конечно, постарался бы избежать этой встречи на выходе с завода. Он был хмур, молчалив. Мне тоже не хотелось разговаривать, да и что я мог ему сказать. Мы дошли до перекрестка, дальше наши пути расходились. Перед тем как попрощаться он вдруг посмотрел на меня. Это был долгий

взгляд. И тяжелый. Тяжелый для меня. Его глаза показались мне пустыми, будто лишенными жизни. Никак не ассоциировались с горящими глазами того Малышева, которого я знал столько лет.

Подумав немного, он негромко произнес:

– Знаешь, я иногда задумываюсь о смысле жизни. Своей. Когда-то мне казалось, что важнее всего семья. Потом развелся, но оставались друзья. Растерял друзей, но была еще работа, коллектив. А теперь... Теперь мне кажется, что я искал совсем не там... Совсем, понимаешь?

Нет, тогда я не понял до конца, что он имел в виду. Но тоска в его голосе и пустота во взгляде вселили в меня смутную тревогу. Я стоял и смотрел, как медленно и не глядя по сторонам он направился мимо витрин в сторону дома. Возможно, стоило окликнуть, остановить его и что-то сказать. Что-то жизнеутверждающее, ободряющее. Встряхнуть как-то, напомнить ему его самого – энергичного, подтянутого, волевого. Но я не сделал этого. Наверное, ему не повезло, что в тот момент повстречался именно я, а не кто-то другой.

Мой сегодняшний день начался почти на час раньше обычного. Поэтому-то я и успел совершить мою комичную пробежку. О чем я не упомянул в своем цветастом рассказе, так это о причине столь раннего пробуждения.

Причиной стал телефонный звонок.

Сухо и деловито Долинин сообщил мне, что ночью Малы-

шев умер от разрыва сердца.

Он говорил что-то еще – о похоронах, о моем назначении, о приеме и передаче дел. Я что-то рассеянно отвечал, а иногда просто кивал, будто он мог меня видеть. Голова моя в эти мгновения была занята совсем другим. Занята? Скорее переполнилась бессмысленными образами, незнакомыми голосами, в общем оглушающем шуме которых можно было разобрать только два слова: «Малышев умер». После очередной ничего не значащей для меня фразы Долинина послышались короткие гудки. Какое-то время я просто слушал их, не чувствуя в себе сил пошевелиться.

Наконец, я заставил себя положить трубку. И тут же, точно по... мм... по волшебству, все прояснилось для меня. Все слова и поступки словно собрались в единую мозаику. И я увидел ее. Целиком. Все, что произошло. Все, что я натворил. Все, что будет дальше. А увидев всю картину, понял, что делать. Решение пришло совершенно неожиданно и поначалу показалось мне... эээ... сумасбродным. Но чем больше я думал о нем, тем больше убеждался, что оно единственно верное. Все эти годы я честно работал, надеялся на лучшее, верил в справедливость. Это была неяркая, однообразная... полная лишений и бесполезной возни жизнь. И даже несмотря на то, что со вчерашнего дня я незаметно для самого себя стал предателем... Мне кажется, я заслужил хотя бы один праздничный день. День, которым я мог бы попробовать... насладиться, пусть и со стиснутыми от душевной боли губа-

ми. В меру имеющихся средств и своей скудной фантазии. Последний. Я не из тех, кто смог бы спокойно жить с таким камнем на сердце. Моя жизнь превратилась бы в ежедневный ад, от которого никто не смог бы меня избавить...

Но сегодняшний день мне и вправду удался. Я держался молодцом и почти не срывался, поэтому-то сейчас мне было о чем вспомнить и есть чему усмехнуться. Закрывая глаза на... ммм... отдельные мелочи.

К примеру, тому, как встречал меня у порога... этот... да, Долинин, конечно. С приказом о назначении в руках. Сам принес. Похоже, мне и вправду удалось убедить директора в том, что я на его стороне. Ха. Впервые за годы совместной работы я увидел в глазах Долинина некое... некое легкое беспокойство, когда он смотрел на меня. Отчего? Повышение в должности подразумевает и иное отношение? Или просто опасался, «как бы этот дохлятик чего не выкинул» в связи с новыми... обстоятельствами? Ну, разве не смешно? Столько лет работать под... ну... покровительством... да... такого ничтожества и рассчитывать на лучшее! Как это похоже на меня. Как говорится... как это... как... «каждый заслуживает то начальство, которое имеет»...

А как я входил в кабинет Малышева? Входил, как... будто... Ну, как в ледяную воду. Чуть ли не с закрытыми глазами. Ха, забавно... Да, с закрытыми... Как сейчас, когда я уже... Меня действительно хватило только на то, чтобы полюбоваться видом из окна, это правда... Хотя к окну опасно

было подходить. Во всяком случае в такой день я бы не рекомендовал себе... приближаться к окнам, острым предметам и людям... которые видят... во мне... видят... разглядывают... сны о своей жизни... в смысле... о той, которая могла бы... с кем-то из них...

Ой.

Теряю мысль. Таблетки все же начали действовать, а то я уже чуть не начал волноваться. Спасибо, кстати, мам, за такой прекрасный препарат. Отменный... Опасный для жизни в больших дозах. То, что нужно. Я нашел его как-то, разбирая твои вещи. Где ты его взяла, ума не приложу. Неужели знала, что он мне пригодится? Ха.

Так... О чем я.

Да, кстати, из своего рассказа я умышленно выпустил поход на могилу мамы после работы. Как раз перед рестораном. Шалопай... Зашел увидеться. Возникла потребность, хоть я так редко это делал... И попрощаться... Был риск. Сорваться и пустить под откос остаток дня, но взял себя в руки... И как мне это удалось? Неужели так соскучился по праздникам... по свободе? Наверное. Порой сложно себя понять. Наверное, маме это удалось бы... значительно... лучше. Разве не говорила она мне в детстве о чистых руках? Разве трудно было запомнить ее рассказы о болезнях, связанных с... о болезнях, связанных с... антисанитарией... Не запомнил... В самый важный момент забыл о том, что руки нужно стараться сохранять чистыми... И даже если вся жизнь так... так

беспросветна как моя, в ней еще остается смысл и достоинство, пока ты можешь... еще можешь... сохранить то немногое, что у тебя еще есть. Твою... порядочность. Слово, которое у многих уже всего лишь вызывает смех. Но оказавшееся таким важным для меня. Для меня. Поздновато, увы... Наверное, и Малышев говорил о том же, когда прощался. «Я искал совсем не там»... Все мы часто ищем совсем не там. Не видим, что творится под носом. Не прислушиваемся к тому, что живет внутри. Часто незаметно для нас. Прорастает, как... ну... красивый пышный сорняк под палящим июльским... нет... как любовь, которой так и не нашлось... в этом мире... в котором я... меня нет...

Трель. Что за звук. Знакомый. Или кажется? Нет... Да... Телефон. Забыл отключить. Ничего, он уже... где-то... в другом мире...

Не продышаться что-то. И подташнивает... Наверное, так и должно быть.

Сейчас. Так. Что-то еще...

Мама... Да... Мама, у меня была любовь. Я любил. Ее звали Инной. Она... знаешь... она была похожа на ремарковскую Изабеллу. Была в одной его книге странная такая девушка-пациентка из лечебницы, говорившая поразительные по мудрости и наивности вещи с детской... с детской трогательной... непосредственностью... Вот Инна моя была на нее похожа... Она была славная... Такая... добрая. Любила природу. Мы с ней бродили по паркам, по лесам... Она сме-

ялась... Ее нежный голосок... щебетал... о солнце, о птицах, о море. О красоте. О простых... о доступных каждому вещах, на которые мало кто обращает внимание... Я... как-то... я как-то тоже об этом не задумывался до встречи... до встречи с ней. Но потом... понимаешь... прошло время, пробил час... Девушка повзрослела, посмотрела по сторонам... Одумалась. Взглянула внимательнее на календарь... Вспомнила, что она молода, красива... Что достойна яркой современной обеспеченной жизни. И всё... Изабелла. Вылитая... Она тоже излечилась. От глупостей. От романтики... От... от другой правды... Стала Генриеттой... Уехала... Но это было событие. Да. Одно из немногих. Настоящее. Из моей жизни. Могло ли оно изменить меня? А может, и изменило? Но тогда в какую сторону?.. Иногда я спрашивал себя, стал бы я другим, если б она осталась со мной... Наверное, да. Живя ради кого-то, поневоле меняешься. И тогда, рядом с ней, мне казалось, я становился... другим. Но, опять-таки, стал бы я счастливее?.. Или мне предстояло... повторить путь Малышева, состоявший из сплошных... разочарований... Малышева, который... да... искал... но... но... разочарования... лучше... бессмыслицы...

Трель. Снова телефон. Как надоел.

В ушах свистит... Воздуха... Форточку бы... Нет, уже не могу...

Трель.

Сколько вопросов без ответов... Но что толку теперь ко-

паться в них? Мне не довелось стать лучше, научиться думать, ориентироваться... действовать... Не хватило воли и желания, чтобы сделать это самому... Не нашлось человека... который... глядя на которого я почувствовал бы в себе силы тянуться... вверх. Ну что ж... Жил как умел. Пока не оступись, польстившись на что-то... большее... Виноват. И сам наказываю... Это моя жизнь все же... Так долго я был к ней... был безразличен, за что получил отпор... в виде отсутствия событий и успехов... Зато, кажется, сейчас мы с ней... достигли согласия... обоюдного... Оно в желании отдохнуть... друг от друга... В желании забыться... Освободить место для тех, кто... кто чего-то хочет и... надеется... Может быть, это и есть мой... мой... мой самый мужественный поступок. По крайней мере... сейчас мне хочется... так думать... И улыбнуться этой жизни... на прощание... из оставшихся... из последних...

Вот... вот... вроде бы и... трудно... дышать... не соображаю... хватит... цепляться... уже... не за что... больше...

Звонок... Далеко... Еле слышно... Кто это?.. Малышев... Мама... Изабелла... Больше... никому... больше... не нужен... Подождите, друзья... Совсем... совсем недолго... увидимся... вот только... не возражаете... я... немного... посплю...

Июль 2008

23:59

– Нам лучше расстаться, – произнесла она после паузы.

Глуховатый серьезный голос. Некоторое время она с вялым интересом смотрела на него, затем взгляд устремился в окно. Она устало провела пальцами по светлым волосам. Помолчав, словно собравшись с мыслями, снова обратила лицо к нему.

– Пойми, так не может продолжаться до бесконечности. Можно обманывать себя день, другой, третий. Но на четвертый все равно понимаешь, что в этом нет никакого смысла. Мы слишком разные с тобой. Мне нужно больше света, тепла, эмоций. Мне уютно на солнечной стороне, ну а ты больше предпочитаешь тень и прохладу. Поэтому нам так непросто друг с другом, хоть мы и пытаемся делать вид, что не замечаем этого. Иногда я пытаюсь перестроиться, что-то изменить в себе, чтобы мы стали чуть ближе. Но все же я такая, какая есть, и эти приступы лицедейства недолги. И утомительны. Если бы ты попробовал примерить на себя маску оптимиста, то получилось бы, наверное, то же самое. Глупость. Потому что и ты хорош таким, какой есть. Ты своеобразен, у тебя своя точка зрения, свой взгляд на события. Хоть я часто и не разделяю его. Ты думаешь. Этим ты отличаешься от невзрослеющих мальчиков, которых я вижу вокруг. Ты интересен.

Сказав это, она помедлила, затем с нажимом добавила:

– Но я не смогу провести свою жизнь рядом с таким человеком. Или это уже буду не я. Не хочу мучить нас обоих иллюзиями. Но буду рада дружбе с тобой. Если ты ничего не имеешь против. И если, как и я, веришь в то, что она возможна между нами.

Она снова взглянула на него, на этот раз выжидающе.

Он смотрел перед собой. Пока она говорила, озадаченность на его лице сменилась растерянностью. Теперь, когда за столом снова воцарилась тишина, его взгляд стал отсутствующим. Привычным движением он достал из кармана платок и, сняв очки, начал неторопливо протирать стекла. Некоторое время они оба наблюдали за процессом. Затем он убрал платок, посмотрел сквозь линзы на свет. Повертев очки в руках, надел их и, наконец, посмотрел ей в глаза. Спокойно и прямо. Взял себя в руки.

Вдруг он улыбнулся. Это была добрая, нежная, сердечная улыбка, которой ей не доводилось раньше видеть на его лице. На мгновение ей показалось, что эта улыбка сама по себе опровергает все сказанное ею только что. Что все, на что она надеялась до той поры, пока не нашла в себе силы высказать накопившееся, еще может случиться с ней и с ним...

Но это была лишь секунда. Нежданная, сладостная. В следующее мгновение его ладонь поднялась со стола и замерла в прощальном жесте. И тут же его улыбка померкла, будто ее и не было. Напротив нее снова оказался прежний моло-

дой человек. Трудный в восприятии и защищенный занавесом самоконтроля. Но все еще неразгаданный.

Она грустно усмехнулась.

Он отвел взгляд и сосредоточился на пейзаже за окном.

Еще несколько секунд она подождала, надеясь услышать хоть слово, затем молча взяла сумочку, поднялась из-за стола и, не глядя на него, направилась к выходу из зала.

Он не провожал ее взглядом. От этого стало бы только хуже.

Ее силуэт еще мог бы мелькнуть в окне, но она, видимо, решила пойти другой дорогой. Домой. Или в другое кафе. Чтобы сесть и, так же как он, молча смотреть, как дрожащие от ветра листья пытаются поймать последние отблески вечернего солнца.

– Простите, у вас свободно? – негромко осведомился мужской голос.

Он рассеянно взглянул на спросившего, затем хмуро огляделся по сторонам. Свободных столиков не было, кафе незаметно заполнилось посетителями.

Мужчина терпеливо ждал. Невысокий худощавый человек средних лет в сероватом старомодном костюме. Бледно-серые, будто выцветшие глаза смотрели чуть тревожно, неуверенно. Смешные усы. Тронутые сединой волосы торжественно расчесаны на пробор. Похоже, интеллигент в N-ном поколении. Не хватало властной жены-владелицы – мо-

жет, оттого и чувствовал себя не в своей тарелке.

– Пожалуйста, – ответил он, кивая в сторону сидения напротив.

– Благодарю вас, – тут же отозвался мужчина, садясь и деловито осматриваясь.

Наконец их глаза снова встретились.

– Николай Павлович, – представился посетитель.

В его голосе не было важности, гордости. Имя он проговорил быстро и дежурно, будто не желая заострять на себе внимания.

– Евгений, – бросил молодой человек равнодушно.

– Очень приятно, Евгений, – чуть смущенно улыбнулся Николай Павлович.

Некоторое время помолчали. Мужчина продолжал осматриваться, глядя в посетителей.

– Вы, наверное, ждете кого-то? Ваша жена должна подойти? – нехотя спросил Евгений.

– Нет-нет, – поспешно ответил тот и повел плечами. – Не обращайтесь внимания. Мне просто редко доводится бывать в таких местах. Тем более одному.

Пожевав губами, мужчина продолжил:

– Моя жена уехала повидаться с родственниками. В другой город. В город своего детства. Ну а я остался. И вот решил немного расслабиться.

Молодой человек кивнул без особого интереса.

– Давно не бывал в этом месте. Уже лет двадцать прошло,

наверное, – снова заговорил Николай Павлович, обводя помещение взглядом. – Когда-то здесь был шикарный ресторан. Попасть сюда уже было событием.

– А теперь это всего лишь кафе-бар. Ничего особенного. Один из многих. Время не пошло ему впрок, – заметил Евгений сухо.

– Да-да, возможно. И все же... Когда-то по молодости мы с Галей мечтали попать сюда. Словно здесь нас ждала какая-то другая жизнь, – мечтательно произнес мужчина.

Молодой человек посмотрел на него внимательно, но ничего не сказал.

К столу подошел официант.

– Добрый вечер, – проговорил он, не глядя на них, и подал Николаю Павловичу меню.

– Здравствуйте, – скромно улыбнулся тот.

Глянув на яркую книжицу, он секунду помедлил и заказал кофе.

– Какой именно? – без выражения спросил официант.

Мужчина замешкался.

– Нескафе, эспрессо, турецкий, фраппе, айс-кафе...

– Экспрессо будьте любезны, – остановил его Николай Павлович, неловко взмахнув рукой. – Двойной, пожалуйста.

– Что для вас, молодой человек? – повернулся официант к Евгению.

– Один «Черный русский», – бросил тот, не посмотрев в его сторону.

Официант, кивнув, удалился.

– Мы маловато заказали, – сказал мужчина вполголоса. – Наверное, этот парень не в восторге от таких клиентов. Только место занимаем, никакой прибыли.

– Да наплевать ему, – буркнул молодой человек и снова взглянул в окно.

Уже почти совсем стемнело. В оконных стеклах отражался интерьер кафе, его лицо и застывший в напряженной позе Николай Павлович. Теперь он неотрывно смотрел на Евгения, будто желая что-то сказать или услышать.

– Может быть, вы кого-то ждете? – неуверенно спросил мужчина, когда молодой человек вновь повернулся к нему.

Евгений лишь медленно покачал головой.

– Вы уверены? – снова поинтересовался тот. – Я заметил, что вы были с девушкой. Может быть, она должна вернуться?

– Нет. Она не должна вернуться. И не вернется.

– Вы что же, расстались? – обронил мужчина, но, тут же, словно спохватившись, предупредительно поднял ладонь. – Простите, не мое дело.

– Расстались, – негромко ответил Евгений, мрачно разглядывая переплетенные пальцы, и через паузу добавил: – Девушка решила, что так будет лучше.

Николай Павлович понимающе кивнул.

– Ну... Вы не расстраивайтесь, – начал он. – В вашем возрасте найти другую...

Вдруг Евгений резко поднял глаза на него.

– Послушайте... Николай Павлович, кажется?

Мужчина растерянно кивнул.

– Я знаю, что найти другую девушку мне не составит труда! – раздраженно воскликнул молодой человек. – Не нужно меня успокаивать, хорошо? И не нужно думать, что я так уж сильно переживаю ее уход. Она сделала свой выбор и поступила правильно, поэтому мы расстались легко, быстро, не выясняя отношений! Так что все в порядке, не печальтесь за нас.

Николай Павлович, ошеломленно глядя на Евгения, замолчал.

В этот момент к столу вернулся официант. Поставив чашку и бокал, он все же оставил меню и, бросив торопливый взгляд на другие столики, отошел.

Мужчина придвинул к себе чашку, добавил сахар и принялся помешивать кофе, не сводя глаз с соседа по столику. Евгений же не обратил на заказ никакого внимания, снова отвернулся к окну.

– У вас что-то случилось? – кашлянув, осторожно поинтересовался Николай Павлович.

Молодой человек не шелохнулся.

– Я, наверное, все же мешаю, да? – сконфуженно тряхнул головой мужчина и огляделся по сторонам.

Свободных столиков по-прежнему не было.

– Простите, – послышался голос Евгения.

Он повернулся и пристально посмотрел на соседа.

– Я не хотел показаться резким и неучтивым. Сорвался. Не уходите, вы ни в чем не виноваты, – проговорил молодой человек, чуть смягчившись. – Просто... так сложилось. Я не в настроении.

– Почему? – помедлив, спросил мужчина.

Евгений скрестил руки и мрачно опустил взгляд, не отвечая.

– Вам принесли напиток. Выпейте, – предложил Николай Павлович, пододвигая бокал. – Кстати, что это такое, «Черный русский»? Коктейль какой-то?

– Знаете... Мне и самому трудно четко сформулировать, в чем дело, – вдруг сказал молодой человек. – Так, чтобы вы это поняли. Здесь много всего... И, наверное, самым простым будет сказать, что такова моя реакция на нашу жизнь и на мир, в котором мы живем.

Евгений поднял глаза и посмотрел на соседа по столику долгим тяжелым взглядом.

– В котором приходится существовать и мне, несмотря на то что больше всего на свете я хотел бы оказаться где-нибудь на другой планете, в другой жизни. В какой-то другой плоскости.

Николай Павлович перестал размешивать кофе, в его глазах появилось удивление.

Евгений усмехнулся ему, поправил очки и откинулся на сидении, оглядывая посетителей.

– Вам нравится наблюдать за людьми? – спросил он. – Вот

они сидят, красавцы, посмотрите.

Николай Павлович повернул голову. За столиком в центре зала сидели двое молодых людей лет двадцати пяти. Перед ними стояли полупустые пивные бутылки. Они что-то возбужденно обсуждали, посмеиваясь.

– О компьютерах, наверное. Или о машинах. Или о футболе, – проговорил Евгений, недружелюбно улыбаясь. – О том, как они мило проведут этот вечер в компании себе подобных. А за следующим столом две девушки с одинаковыми стрижками, видите? Сплетничают. Или новые шмотки обсуждают. Или планируют записаться на фитнес. А в уголке притаилась молодая пара, у них свидание. Они очень стараются понравиться друг другу и, наклеив на лица радостные улыбки, оживленно беседуют о всякой чепухе, боясь неловких пауз.

Он полюбовался на них еще несколько мгновений, затем снова взглянул на Николая Павловича.

– Не требуется большого ума, чтобы понять, чем наполнена их жизнь. Чем они занимаются в свободное от работы или учебы время. Что читают, какие передачи и фильмы смотрят. За кого голосуют, если ходят на выборы. О чем мечтают. Это обычные люди. Двадцать первого века. Наше большинство, определяющее жизнь во всем ее многообразии. За ними будущее. На них будет строиться новое государство. В ближайшие годы они и такие, как они будут определять, как говорится, «направление нашего развития».

– Вас, кажется, это не устраивает? – деликатно поинтересовался мужчина.

– Не в этом дело. Они стали такими не потому, что кто-то плохой или хороший заколдовал их. Просто так сложились обстоятельства, что в данный период так выглядят герои нашего времени. Когда-нибудь этот портрет изменится, но останется главное, что не сможет стереть, вычистить время. Это людская природа. Наша суть, с которой мы поделаться ничего не можем. И все ошибки, которые мы делаем, я думаю, заложены в нас с рождением. И такой вот мир, в котором постоянно ощущается угроза конфликта и который мы так привыкли ругать, создан нами же. И жизнь, которую мы проживаем впустую – это плод нашей же человеческой деятельности.

– Вы не очень-то любите людей, не так ли? Вернее, то, что вы называете «людской природой»? – несмело улыбнулся мужчина, склонив голову чуть в сторону.

Евгений снова небрежным жестом поправил оправу. Затем, положив локти на стол, приблизился к Николаю Павловичу и заговорил отрывистым полусшепотом:

– Нет смысла любить или не любить то, что есть и будет всегда. Но жить в этом, принимать какое-то участие и понимать, что я не могу и не хочу быть частью всего этого, мне бывает трудно. Временами слишком.

Он снова отстранился и посмотрел по сторонам. Когда его голос зазвучал вновь, то казался спокойным, даже безмятеж-

НЫМ.

– Знаете, я недавно подумал... Люди просто не знают, как жить. Никто. Каждый предполагает, что вот так, возможно, будет правильно, а вот так – нет. Что так вот жить можно, а вот так уже ни в какие ворота. Но никто не уверен. Даже те, кто берет на себя ответственность за судьбы множества людей, целой страны. Те, кто считает, что сможет сделать счастливыми одновременно массу людей, заблуждается. Количество счастливых окажется равным числу глубоко несчастных и недовольных своей участью. Люди вбрасываются в этот мир, получают в свое распоряжение жизнь, а что делать с ней им никто не объяснил и уже не объяснит. Пока они взрослеют, им предлагаются простейшие инструкции по правилам поведения в обществе и некие элементарные знания на первое время, которые могут пригодиться в дальнейшем, а могут и нет. Но никому перед попаданием в этот мир не дается задание, какая-то четкая цель, к которой стоит стремиться. И вот каждый набивает свой пустой сосуд, свою жизнь каким-то содержанием на свой вкус. Какими-то ценностями, которые ему кажутся главными и без которых, на его взгляд, никак нельзя обойтись. В итоге мир оказывается заполнен совершенно разными людьми с придуманными целями, с придуманными понятиями о счастье. Порой эти идеалы кажутся им настолько достоверными, что люди даже на время забывают о вымысле, изо всех сил отстаивая свою правоту и искренне заблуждаясь в ней. Незнание

– вот что, по-моему, объединяет всех. Внутренняя скрывае-
мая ото всех неуверенность в том, что выбранный курс вер-
ный и единственный. И еще нацеленность на то, что рядом
может быть кто-то, кто знает секрет, знает как нужно. Гото-
вность примкнуть к рядам этого кого-то, как только благо-
приятные ожидания хоть отчасти подтвердятся. Мы же обо-
жаем объединяться, не правда ли? Образуя скопление, мы
чувствуем себя сильнее, увереннее, неуязвимее, даже непо-
бедимее. Толпа – это действительно сила, но лишь в извест-
ной мере. Она неповоротлива и обладает лишь коллектив-
ным разумом, который при должном умении несложно под-
чинить кому-то или чему-то. В ней больше нет индивидуаль-
ностей, способных сориентироваться и осмыслить свои по-
ступки, свою правоту и неправоту в этом скоплении людей.
Все идут – и ты иди! Ты однажды сделал свой выбор, при-
соединившись к ним, теперь тебе нужно только следовать за
ними и слушать, что делать дальше! Неважно, что в один
непрекрасный день люди, наслушавшись убедительных ре-
чей, могут ринуться, к примеру, создавать новую идеальную
расу, попутно уничтожая вредных, неугодных по всей стра-
не, а затем и по всему миру. Но тебе какое дело? Ты можешь
продолжать жить прежней жизнью – читать газеты, слушать
музыку, строить планы на будущее. Ведь ты же чуть раньше
своевременно сделал правильный выбор, так?!

Евгений остановился. Он достал платок, сдернул очки и
начал протирать стекла. Руки заметно дрожали.

– Вы не курите? – спросил он нервно.

Николай Павлович потрясенно покачал головой.

Евгений кивнул, продолжая движения платком.

– Мой дед прошел всю войну. До Берлина. Вся грудь была в медалях. Наверное, он воевал с врагом безжалостно, бескомпромиссно. То есть я даже в этом уверен, хоть он и не любил обсуждать эту тему. Только так и нужно было, они защищали всех нас, свою землю. Еще до войны он вступил в партию и до самой своей смерти верил в нее, как в избавление ото всех напастей. Он продолжал верить в нее и когда забирали, а затем расстреливали его друзей, вместе с которыми он мечтал о новой жизни. Это была непоколебимая вера, с которой ничего не могло поделаться время. Потому что, казалось, если он перестанет жить с нею в сердце, то и сама жизнь его тут же закончится... А вот мой отец, человек послевоенного поколения, никогда в партии не состоял. Мало того, он считал, что все беды, происходившие с нашей страной в прошлом веке, случались именно из-за фанатичной преданности этим самым идеалам, которых он не признавал. Они спорили с дедом до хрипоты, и каждый раз оставались при своих мнениях. Разве что ссорились лишний раз. Отец ненавидел советскую действительность, твердил о том, что у него отняли свободу. Затем Союза не стало. Отец был счастлив, в памятные дни он сутками дежурил у Белого Дома. Это было его время. Время торжества уже его идеалов. Но и этот период прошел. Теперь он вечерами всегда дома, у

телевизора. Увлеченно смотрит сериалы, ток-шоу и новости на центральных каналах, вместе с большинством верит в то, что жизнь налаживается и движется в единственно верном указанном сверху направлении.

Молодой человек спрятал платок и печально улыбнулся Николаю Павловичу.

– Знаете, что самое смешное? Через какое-то время все это ждет и меня. Сейчас я сотрясаю воздух этими своими бреднями, которые Вы вынуждены слушать, а через несколько лет – десять, двадцать, тридцать – цикл повторится. Уже я поверю в чью-то гениальную идею и буду готов идти за ее автором хоть на край света. Уже я стану представителем группы единомышленников, рядом с которыми мне будет хорошо и спокойно. Уже я со своими убеждениями стану разменной монетой в чьей-то игре, даже в самую вероятность чего напрочь откажусь верить. И, возможно, так и не соглашусь с тем, что был кем-то использован в каких-либо интересах, не имеющих отношения к моей вере. Я стану одним из многих, и уже мои дети, взрослея, будут смотреть на меня и недоумевать. Ну а я вряд ли даже вспомню этот свой сегодняшний красочный и бессмысленный монолог. Или же он мне будет казаться какой-то нелепостью, случившейся с кем-то другим, не со мной... Вот такая радужная перспектива, да?

Тем временем мимо прошел, даже не взглянув на них, официант, оставив на столике кожаную обложку со счетом.

– Знаете, я бы хотел быть похожим на этого парня, – ска-

зал Евгений и усмехнулся, глядя ему вслед. – Не внешне, да и не внутренне, конечно. Я имею в виду его образ, из которого он не выходит в рабочее время. Эдакий профи. Человек, который, вполне возможно, все знает и понимает, но не принимает близко, а просто делает свое дело. Хладнокровно, четко, уверенно. Собственно, наверное, я даже в какой-то мере завидую людям, которые способны не задумываться. Как это, наверное, легко – не задавать вопросы и не искать ответы.

Он достал из внутреннего кармана бумажник и положил в обложку несколько купюр.

– Но мне выпало стать другим. Ну а вам, увы, выпало повстречаться со мной и испортить себе приятный вечер, – бодро проговорил молодой человек и, подумав, добавил с сожалением: – Простите за все, что я здесь наговорил. У меня вообще слишком часто бывает плохое настроение, а сегодня оно еще и усугубилось тем, что я снова остался один. С другой стороны, хорошо еще, что я не высказал все это Маше. С ней бы случилась истерика, наверное. А мне бы этого не хотелось. Все же она хороший человек, хоть и не может подняться выше общепринятых норм и правил.

Евгений поднялся из-за стола.

– Я желаю вам в следующий раз прийти сюда со своей женой и провести здесь потрясающий по красоте романтический вечер. Раз это место многое значит для вас.

Николай Павлович не поднял головы.

– Всего вам доброго. И спасибо, – сказал на прощание молодой человек и протянул руку.

Мужчина, не глядя, неожиданно крепко пожал ее.

Евгений коротко кивнул и, не оглядываясь, пошел к дверям.

Было уже совсем темно. Выйдя из кафе, он помедлил, раздумывая, куда направиться. Вариантов не было, этот вечер он не планировал провести в одиночестве. Евгений стоял и просто вдыхал прохладный воздух, вглядываясь в темноту улицы.

Вдруг кто-то окликнул его. Сначала он решил, что ему помешало, но голос за спиной выкрикнул его имя снова, уже громче. Этот голос показался Евгению незнакомым. Однако, обернувшись, он, к своему удивлению, увидел Николая Павловича. Смешно вскидывая руки, мужчина, перепрыгивая через лужи и тяжело дыша, спешил к нему.

– Надеюсь, наши с вами деньги никто не перехватит, – сказал мужчина, остановившись рядом и немного отдышавшись. – Официанта я так и не дождался.

Евгений невольно улыбнулся.

– Вы что же, решили продолжить отдых в другом месте? – заговорщицки подмигнул он.

Николай Павлович некоторое время молча смотрел на него. Евгению показалось, что в его взгляде появилось что-то новое, чего он прежде не заметил и чему пока не мог най-

ти описания.

– Нет. Просто всё, что я... Ну, в общем, всё не совсем так, как я вам сказал.

– То есть? – удивился молодой человек.

Лицо мужчины едва заметно искажилось. Помолчав, он заговорил резко и отрывисто.

– Я пришел сюда не ради развлечения. Просто не мог больше оставаться один. Хотя скоро мне придется жить одному все время. Моя Галя тяжело больна. Нужна операция. Дорогостоящая. У нас нет таких денег. И никто не поможет. Мы знаем это. Она поехала попрощаться с родными местами. Одна. Попросила ее не сопровождать. Скоро она вернется. Скоро все кончится. Хотя, может быть, мы действительно еще придем сюда. В последний раз.

Глядя себе под ноги, Николай Павлович просто выдавал одну фразу за другой. Словно стараясь не задумываться над тем, что говорит, а сосредоточиться на чем-то другом.

Наконец, он поднял голову и пристально посмотрел куда-то в сторону.

– Подождите, но вы же... как же... – зазвучал изменившийся, робкий, ошеломленный голос Евгения.

– Посмотрите, – прервал его Николай Павлович тихо и кивнул в сторону крупного супермаркета на другой стороне улицы.

Молодой человек повернул голову и с недоумением снова посмотрел на мужчину.

– С недавних пор наша жизнь кажется мне похожей на такой вот магазин, – помолчав, задумчиво заговорил Николай Павлович. – Огромный, с товарами на любой вкус. И все мы находимся внутри, ходим от стеллажа к стеллажу, от одного отдела к другому. И выбираем, выбираем, выбираем. И так всего много, и столько нужного, обязательного к приобретению... Так много, что порой просто голова идет кругом, и мы забываем, что за каждый выбор нам предстоит расплачиваться, причем цена может оказаться непомерно высокой. А еще мы забываем, что каждая, даже самая незначительная вещь, попавшая к нам, лишь до той поры с нами, пока мы не окажемся у выхода из этого магазина. Здесь мы будем вынуждены оставить все наши покупки до единой и распрощаться даже с воспоминаниями о том, что мы были здесь, среди всего этого сверкающего изящества. И понять, что ничто из того, что мы видели и примеряли на себя в этих стенах, на самом деле не могло нам принадлежать. Что мы были всего лишь гостями, которым случайно повезло оказаться в этом месте в это время... Конечно, обо всем этом мы не думаем, когда нам хорошо. Когда нам кажется, что столько всего еще впереди. Но когда нам плохо... Когда нам настолько плохо, что, кажется, уже некуда отступать и не хочется уже совершенно ничего, мысль об этом помогает как-то цепляться за жизнь, ценить ее. Хотя бы то, что от нее осталось. И становится чуть легче.

В глазах мужчины заблестели слезы. Он кашлянул в кулак

и незаметно провел рукавом по глазам. Затем посмотрел на Евгения. По-отечески взял его за локоть.

– Как бы ни казалась порой трудна и бессмысленна жизнь в этом мире, в нас должно сохраняться то единственное, то последнее, что может помочь нам справиться с любыми дурными мыслями и известиями. Это надежда. На то, что следующий день станет гораздо лучше предыдущего. Вопреки всем законам и правилам. Вопреки всему, что происходит с нами, нашими друзьями и нашими врагами. Надежда на силу нового дня, содержание которого нам знать заранее не дано. Потому что мы всего лишь простые смертные. Исполнители той воли, о которой нам ничего неизвестно.

Николай Павлович улыбнулся Евгению.

– Помните о том, что ничего не потеряно, пока мы живы, – добавил он и, бросив последний взгляд на молодого человека, направился вниз по пустынной улице. Тусклые огни фонарей какое-то время пытались освещать его путь, но не могли совладать с темнотой, которая постепенно скрывала одинокую сутулую фигуру от Евгения.

– Молодой человек! – вдруг послышалось рядом с ним.

Он растерянно повернул голову. Юная брюнетка броской внешности. Она улыбалась ему, жуя резинку.

– Который час, не подскажете? – произнесла она тонким игривым голосом.

Евгений медленно поднес к глазам руку с часами. Снова взглянул на девушку.

– Наступил новый день, – сказал он ей задумчиво и тут же устремил взгляд в конец улицы. Где-то там, в случайном пятнышке света еще могла промелькнуть спина Николая Павловича.

Октябрь 2007

Коса на улице

Пытаюсь сосредоточиться, сбросить оцепенение. Немного кружится голова, но в целом состояние нормальное. Ни ушибов, ни порезов. Одежда цела, пуговицы на месте.

Итак, что мы имеем. Передо мной голые кирпичные стены, грязный потолок с тремя лампочками, три крохотных оконца с решетками. И дверь. Железная. Надежная. Запертая.

Из предметов здесь лишь матрац, на котором я проснулся, плед и подушка. Еще мой пиджак. Видимо, оставлен в качестве легкой насмешки. Носи на здоровье, мол. Его карманы пусты, как и карманы брюк, рубашки. Мобильник, бумажник, ключи, даже расческа... Где все это теперь? А главное – где, собственно, я? Что это, склад? Пожалуй, похоже. Если вывезти подчистую весь товар. А если оставить внутри человека и запереть дверь снаружи, то это уже больше смахивает на одиночную камеру. Света нет. Выключателя не вижу – видимо, он тоже вне моей досягаемости. Сквозь решетки пробивается тусклое свечение, по которому даже трудно понять – утро сейчас, день или вечер. Часы, между прочим, тоже исчезли. Меня явно не готовили к активной деятельности. Прямо краса в темнице. Это что же, я под арестом? В ожидании приговора? Но за что? А может быть, просто чья-

то шутка?

Чутко прислушиваюсь. Мертвая тишина.

Подхожу к двери, прикладываю голову к ней. Ничего. В очередной раз нервно дергаю ручку. Внутренний голос лепечет что-то насчет того, что это бесполезно и что вообще лучше не шуметь, а попробовать еще раз осмотреться по сторонам. Может быть, и правда, не стоит пока себя обнаруживать? Оглядываюсь. Если меня втащили сюда, когда я был без сознания, то могли остаться какие-то следы. Надо взять себя в руки. Подышать. Сообразить. Присев на корточки, смотрю на пол. Прищуриваюсь. Да нет, ничего я здесь не отыщу. Следов, царапин полным-полно и установить, какие из них свежие можно разве что с увеличительным стеклом при нормальном освещении. У меня нет ни того, ни другого. Бросаю еще один торопливый взгляд на стены, на потолок. Стены как стены, потолок как потолок. Бред какой-то. Не понимаю. Обшариваю матрац, плед, подушку, пиджак. Я и сам не знаю, что ищу. Хоть что-то подозрительное. Ну же!

Нет, все впустую. В чем дело-то, черт побери?!

Грозно смотрю на дверь, будто приказываю ей открыться. Это не поможет. Делаю несколько решительных шагов и сжимаю кулаки. На этот раз внутренний голос озадаченно молчит. Да, что уж тут скажешь. Ситуация не из приятных. И не из понятных. Итак. Вдохнули...

Усаживаюсь прямо на каменный пол, прислоняюсь спи-

ной к стене. Перекур. Надо отдышаться.

Барабанил в эту треклятую дверь не меньше двадцати минут, наверное. С каждой минутой злась все больше и осыпая проклятиями неизвестно кого. Но ни стук, ни ругательные тирады, видимо, так никто не услышал. Либо они не произвели никакого впечатления ни на кого, кроме меня.

И все же мне как будто стало чуть легче. Это в какой-то мере даже кажется забавным – слышать свой надсадно орущий голос и молотящие по железу кулаки. Нечасто доводится. Подступившая паника улетучилась, появился некий кураж. Жаль, что мне не оставили хотя бы какую-нибудь табуретку – в таком состоянии я бы ее с удовольствием расколоматил о ту же дверь. Возможно, это лишь моя защитная реакция на страх, который, скорее всего, и не исчез никуда, а просто затаился внутри меня. Ждет новой возможности появиться позже. Сейчас мне скорее смешно. Хотя понятно, что нездоровый это смех, опасный.

Нужно отвлечься. Подумать. Наверняка есть причина, по которой я здесь. Ведь главное, что пугает – это непонимание.

Что я помню. Утро. Сегодняшнее? Допустим.

Ничего особенного. Проснулся. Побрился. Оделся. На кухню. Алена за столом с чашкой кофе. Смотрит на меня своим особенным тяжелым взглядом. Молчит. У нее опять с утра плохое настроение. Или я снова чем-то провинился. На этот раз не интересуюсь, чем именно. Позже узнаю. Выслушивать ее в таком состоянии – занятие довольно утоми-

тельное, а мне некогда. Я опаздываю на встречу...

На встречу?

О, Господи. Семаков.

Вскидываю к глазам руку, забыв, что часов на ней уже нет.

Всё. Уплыл контракт. По направлению к конкурентам. Серж без меня не справится, из него такой же переговорщик, как из меня скрипач. Позвонить! Но телефон... А-а-а, зараза! Всего один разговор, всего один звонок! В конце концов, если я под арестом, то у меня есть такое право! Эй!...

Это, конечно, должно было обязательно случиться сегодня, когда в нашу пользу мог решиться такой важный вопрос. Заказы. Деньги. Попробуй теперь объясни, почему это глава фирмы, по его же словам весь из себя такой ответственный и надежный, не смог явиться на переговоры в назначенное время. Да вот, знаете ли, решил отдохнуть, сидя под замком на каменном полу. И прислал зама, который ни одной крупной сделки без присмотра не может повернуть. Эх, Серж-Серж... Почему не ты здесь, а я. По-че-му.

Почему?

Да потому что меня тихонько убрали в сторону. Чем не причина этих моих внеплановых посиделок за закрытой дверью?

Поднимаюсь с пола. Еще один гневный удар в дверь. Еще. Еще. Ногами.

Неужели из-за контракта. Но кто? Величко? Ведь теперь Семаков обратится к нему?

Нет, не может быть. Это серьезный человек, с опытом, репутацией. Да и отношения у нас с ним всегда были нормальные. А запереть человека на складе, чтобы не дать ему действовать – это уже беспредел какой-то подростковый. Нет-нет. Кто-то другой. Но кто? Крылов? Шальных? Тимофеев? Да нет, не те это люди, чтобы опуститься до такого абсурда. Может, бандиты? Но, тогда как-то уж слишком нежно они со мной обошлись. Да и с какой стати, собственно?

Не могу понять.

Помню, как, кивнув на прощание Алене, направился в прихожую. Как закрыл дверь в квартиру. Как спустился по лестнице. Вышел из подъезда. Пошел за дом, к машине. Достал ключи. Отключил сигналку. Отключил? Вроде. Или нет? Дальше не помню. Как отрубило. Или меня отрубили.

Да, следствие зашло в тупик. Это мог бы быть кто угодно, и одновременно нет человека, на которого я мог бы с уверенностью указать. Кроме того, версия космически глупой шутки по-прежнему не исключается. Может, в этот самый момент на меня откуда-то из угла нацелена мини-камера слежения, и кто-то покатывается со смеху, тыча в мое изображение на мониторе? Ну? Представляем новое отечественное реалити-шоу «Русский олдбой»? Или добро пожаловать на съемки кинокомедии ужасов «Пила-25»? Куда поклониться-то?

Снова пинаю дверь. Губы сами выплевывают слова, от которых мне самому еще утром стало бы неловко. Теперь все

равно. Откройте дверь!!!

Между прочим, пора бы подкрепиться. Странно, что об этом никто, кроме меня, не вспоминает. Даже в самых заброшенных уголках планеты пленным полагается питание в той или иной мере съедобное. Но для того, чтобы покормить меня, кому-то придется-таки отворить дверь, так? Если только в этой заброшенной камере не предусмотрен самовыдвигающийся тайник, что маловероятно. Еще есть оконца, но через них можно разве что пустить усыпляющий газ, чтобы затем беспрепятственно открыть дверь. А что, вполне рабочий вариант. Теоретически. Кстати, с окнами связан и мой пока единственный пришедший в голову шанс на спасение. Или, во всяком случае, на короткое свидание с внешним миром. Ремень все еще на мне. Забыли снять или посчитали необязательным. Толку от него и правда немного. Разве что зацепить решетку и либо сорвать ее, если она меня не выдержит, либо подтянуться на ремне ближе к свету. Кто знает, может быть, я хотя бы пойму, где нахожусь или смогу что-нибудь прокричать, и кто-то случайно меня услышит. Пустые надежды всё это, скорее всего, но... Нужен же какой-то план, пусть даже и безнадежный.

Да, наверное. Но сейчас я чувствую лишь усталость и тупое безразличие. Уже несколько часов я бесцельно меряю шагами это помещение. Видимо, замкнутое пространство и интерьер так действуют. Или эта гробовая тишина настоль-

ко околдовала меня, что совершенно парализовала волю? Не знаю. Не хочу я думать. Больше всего мне хочется, чтобы все это оказалось лишь чьей-то выдумкой. Станным сном под утро. Утро, когда я проснусь и вновь вернусь к своей обычной жизни на бегу.

Интересно, меня уже ищут? Надеюсь, у Сереги хватило ума начать поиски? Или все еще ждет, когда распахнется дверь в офис, и я влечу раскрасневшийся, кляня пробки и разрядившийся мобильник, и начну с ходу решать вопросы? А ему снова можно будет с облегчением уйти на второй план и наблюдать.

Впрочем, проще всего наговаривать на человека. Да, Сергею порой недостает самостоятельности в принятии сложных решений, смелости, хитрости, напористости, без которых продержаться в бизнесе нелегко. Но это надежный, обязательный, способный человек с высшим образованием. А главное, это мой друг уже столько лет. Один из немногих людей, которым я доверяю. И который прекрасно меня дополняет. Особенно в те моменты, когда мне не хватает рассудительности и терпения. Сейчас он мне очень бы пригодился здесь. Но, может быть, в эту самую минуту ему в голову пришла какая-то светлая мысль, касающаяся моего местонахождения, и он уже мчится сюда. С Аленой. С моей любимой, несмотря на все разногласия, женой. Конечно, она тоже беспокоится. Хотя я за эти часы вспомнил о ней впервые только сейчас. Да, это вообще мне свойственно в последнее время –

так мало думать о ее чувствах. Представляю, как намучилась она со мной. С моей заикленностью на работе и постоянными разговорами на эту тему. С разъездами, переговорами, командировками и непрерывно звонящим мобильником. С моими какими-то бабскими капризами, с моим непробиваемым упрямством в принятии решений, с моей ревностью. С моим желанием сделать из нее, живого человека, что-то искусственное, в полной мере соответствующее моим вкусам и желаниям. При том что сначала все было совсем наоборот. Ведь именно я старался соответствовать ее надеждам и мечтам. И бизнес этот привлек меня именно возможностью обеспечить нашу молодую семью. Вселить уверенность в наше будущее, не дожидаясь помощи от обстоятельств, друзей и доброго начальства. Сделать счастливыми нас и нашего будущего ребенка... И что теперь, по прошествии нескольких лет? Мы счастливы? Не сказал бы. У нас есть ребенок? Разве что один. И этот ребенок – я. Пацан, заигравшийся и забывший о времени. О том, что рядом живой человек. Который по-прежнему ждет и надеется, что наступит время, когда я, наконец, вспомню о том, что имеет значение для нас обоих. А у меня даже нет возможности подумать об этом. Я слишком занят.

Ого, разошелся. Тогда, получается, я должен еще и быть благодарен своим похитителям? За предоставленное время и возможность в кои веки раскинуть мозгами? Ха. Вот и первые симптомы «стокгольмского синдрома». Рановато как-то.

Тем более что я по-прежнему не знаю имени этого «благодетеля», который организовал мне сей чудный внеплановый выходной. Как и причину, по которой он это сделал. Очень слабо верится, что целью было склонить меня к сеансу самоанализа. Скорее здесь что-то более приближенное к земным реалиям. Тем более что, если уж откровенно, грош цена этим моим упражнениям в самокопании. Даже если они являют собой горькую правду о моей жизни. Ведь этот день сам по себе всего лишь мираж. Случайный выход в какую-то иную реальность. Внезапная встреча с моим другим «я», которое еще существует, но уже давно не играет определяющей роли. Стоит мне оказаться за пределами этого помещения и вернуться в свою среду, как все опять станет простым и понятным. Гораздо более понятным для меня, чем в этот невероятно медленно тянущийся день. В день, которому давно пора закончиться. Или который давно пора закончить. Лягу-ка я спать. И пусть Завтра начнется с появления какого-нибудь престарелого перегарного сторожа, крайне удивленного тем, что на вверенной ему территории обнаружился спящий субъект. Ну а если я снова проснусь за закрытой дверью – что ж, ремень в руки и к окошку! Или простукивать каждый кирпичик в стенах. Или что-то еще. Что-то делать. Искать выход. И никаких больше тягостных раздумий о смысле жизни!

Все не так просто. В любой другой день я был бы искренне

рад хотя бы лишнему часу сна. Но сегодня, как я уже не раз убедился, все иначе. Мне не уснуть. Час, два, три... Сколько я проворочался на этом матрасе, пытаюсь призвать к себе любой, пусть самый кошмарный из всех ночных кошмаров, главное – убивающий время и избавляющий меня от бессмысленного глазения по сторонам. И от бесплодных тягучих мыслей, переполнивших мою голову в эти часы томительного ожидания.

Наконец, мое терпение иссякает. Тяжело вздыхая, встаю, надеваю туфли и снова отправляюсь в путешествие по моей одиночной камере.

Тишина. Мои шаги нарушают ее, но как только я останавливаюсь, кажется, она наваливается на меня с еще большей силой. Еще немного, и я начну разговаривать с самим собой вслух, только бы больше не ощущать этой непривычной, губительной немоты вокруг меня. Я всегда избегал одиночества. С детства. Постоянно находился в чьей-то компании, что-то делал, с кем-то разговаривал. Может быть, оттого мне в последнее время стало так трудно жить с Аленой, слушать ее многозначительное молчание, которое в разных ситуациях может означать все что угодно. Может быть, от него я и бегу к своим каждодневным заботам, которым сам же пытаюсь придать смысл. Она не была такой, когда мы познакомились, когда проводили вместе упоительные часы, дни, месяцы. Да и я не был таким. Мы находили поводы для радости. Даже не так – казалось, сами эти поводы находили

нас, а мы просто раз за разом оказывались в нужном месте и получали хорошее настроение просто так, безвозмездно, за способность им насладиться, не требуя чего-то большего. А теперь даже самый светлый праздник не может соединить нас, потому что это всего лишь приходящее событие, которое неспособно изменить нас изнутри. Все, на что мы теперь способны – это периодически быть вместе, присутствовать рядом какое-то время, даже не понимая толком, хорошо это или нет...

Ну вот, опять я начинаю. Раздраженно мотаю головой, в очередной раз пытаюсь привести себя в чувство.

И вдруг замечаю солнечный луч, тонкой мерцающей нитью тянущийся от решетки. Интересно, давно он здесь? Я сделал столько кругов по этой комнате, но обратил на него внимание только сейчас. Забавно. Уже и не надеялся, что этот день, упрямо не выпускавший меня из своих душных объятий, все же сподобится на один приятный момент в самом своем завершении. Ведь если солнце умудрилось заглянуть сюда, значит, вероятно, оно уже должно быть где-то совсем низко над горизонтом.

Подхожу, протягиваю руку, и небольшое яркое пятнышко оказывается у меня на ладони. Несколько секунд я с интересом рассматриваю его, затем, помедлив, делаю нерешительный шаг вперед. Теперь солнечный свет падает мне на лицо. И я зажмуриваю глаза.

Какое странное чувство. Странное, оттого что неожидан-

но, неправдоподобно хорошее. Парадоксальное маленькое скромное счастье, не поддающееся описанию. Будто что-то теплое, светлое, радостное, позабытое внезапно проснулось во мне. Пошевелилось. Осмотрелось. Осветило собой мрак, который царил внутри меня. И вот, к изумлению своему, я обнаруживаю, что улыбаюсь. Не скажусь, не ухмыляюсь. Это нормальная человеческая улыбка, которой так редко находится место в моей жизни, где каждое движение должно что-то означать и делаться ради чего-то. Но ведь это, оказывается, так просто. Вот так улыбнуться солнцу. Даже если ничего хорошего с тобой вроде бы давно не происходило и не планируется. Или это снова всего лишь игра воображения? То, чего не может происходить вне этих стен, где все жестче и безжизненнее? Но ведь именно я в заключении, а солнце и вообще весь мир во всем его многообразии как раз там, снаружи. Именно там, где и проходит моя обычная жизнь. Где цветение, где ветер, где вот-вот случится ошеломляюще красивый закат. Где впереди еще множество дней, каждый из которых наполнен десятками возможностей стать счастливым. Десятками радостных событий, от которых просто не нужно отворачиваться, а, напротив, которые нужно впустить внутрь, в свой мир. Позволить себе сделать такую малость. Неужели это настолько трудно? И неужели к таким открытиям можно прийти, лишь оказавшись в моем положении? Неужели свою жизнь я могу ценить только тогда, когда не имею возможности в ней участвовать?...

Звук.

Или мне мерещится? Да нет, точно! Какой-то отчетливый шум совсем близко от меня. Бешено вращаю головой, пока до меня не доходит, что в комнате становится светлее. Поднимаю глаза к потолку. Устало потрескивая, зажигаются две из трех грязных лампочек, озаряя тусклым светом стены. Бросаю взгляд на дверь. И почти тут же слышится скрежетание ключа в замке.

Чувствую, как холодею.

Железная дверь не сразу поддается, будто отказывается допускать ко мне кого-то еще после того, что я с ней делал. Рывок. Еще один. И вот раздается противный скрип, ранящий мой изнежившийся в безмолвии слух. Дверь приоткрывается на несколько сантиметров и замирает.

Вот он, шанс. Нужно метнуться и ударом ноги распахнуть ее, пока она снова не захлопнулась. Но я стою как вкопанный, зачарованно взирая на происходящее.

– Олег? – слышится после паузы осторожный мужской голос.

Я потрясенно молчу, мучительно пытаюсь распознать автора первого за долгое время слова.

– Михалыч? – вновь слышу я. – Только спокойно, без резких движений. Это Сергей.

Снова молчание. Боюсь поверить.

Наконец, в дверном проеме появляется голова. Слегка вы-

тянутое бледное лицо, аккуратная стрижка, элегантные очки. Застенчивая улыбка при виде меня.

Серж. Красавец. Все же нашел меня.

Пытаюсь взять себя в руки, хрипло кашляю в кулак. Нужно сохранять лицо, хотя бы казаться мужественным.

– Привет, Серж, – говорю я почти спокойно. – Заделался в спасатели?

Сергей облегченно выдыхает и распахивает дверь настежь. Входит.

– Живой? – немного нервно усмехается он. – Вот и молодец. Как самочувствие?

– Немного не по себе.

– Можно себе представить, – озабоченно бормочет Сергей, осматриваясь. – Видишь, как оно обернулось... Ну ничего. Теперь ты свободен. Не переживай, главное. Надо ведь во всем искать позитив, верно? Может, через время ты еще и...

– Если не возражаешь, я бы поскорее покинул это помещение. По дороге поговорим. Я думаю, у нас накопилось немало тем для обсуждения. Да и Алена начинает волноваться. Может быть.

Он снова усмехается и неловко отступает в сторону.

В тот же момент в дверях появляется Алена.

На ней плащ, брюки и туфли на коротком каблуке. Темные волосы по-домашнему просто уложены. Лицо без косме-

тики не выражает никаких эмоций. Лишь серые глаза внимательно и прямо смотрят на меня.

Вроде бы ничего особенного, но в этот самый момент при неверном блеклом свете в пустой безликой комнате Алена кажется мне ослепительной. Необыкновенной.

– Оставь нас, пожалуйста, Сергей, – тихо произносит она, поворачивая голову к нему. – Мы недолго. И спасибо тебе еще раз за помощь. Ты настоящий друг.

– Я буду в машине, – с готовностью кивает Серж и, появившись, добавляет чуть смущенно: – Ключ в двери, не забудьте прихватить. И свет погасите перед уходом.

Мы остаемся вдвоем и какое-то время лишь смотрим друг на друга. Наконец, я спохватываюсь:

– Нам нужно поскорее убираться отсюда, пока не прибыли мои похитители.

– Твои похитители уже здесь, – тут же отвечает Алена.

Чувствую, как мои брови от удивления ползут вверх.

– Странно, что ты до сих пор не догадался. К этой истории имеем отношение только ты и я. И Сергей, который согласился на мой план и доставил тебя сюда.

Ее голос звучит бесстрастно. И скорее от этого, чем от понимания сказанного ею меня бросает в дрожь.

– Что... Что?!

Алена выдерживает мой взгляд с достоинством, чем окончательно выводит меня из равновесия.

– Ты что несешь, соображаешь?! Хочешь сказать, что вы, мои самые близкие, упекли меня под арест? Но это же чушь! Бред! Серега что же, вырубил меня, привез в эту дыру на моей же машине и бросил одного?

– Да, – невозмутимо кивает она. – И он прекрасно справился, раз ты не догадался. Место это нашел тоже он. И в машине оказался за несколько минут до тебя, открыв ее моим ключом. И усыпил тебя хлороформом быстро и бесшумно. Сделал все, как я просила.

Бессмысленно качаю головой, на время лишившись дара речи. Не могу заставить себя поверить в то, что слышу. И в то, что это говорит она.

– Ты просто недооценивал его. Всегда. Да, ему нелегко было решиться на такую дерзость, но он сделал это ради нас. В частности, ради тебя. Недавно по моей просьбе мы с ним встретились и поговорили о тебе. История нашей с тобой жизни в моем изложении смогла его убедить.

– История нашей с тобой жизни? – переспрашиваю я раздраженно. – А она так печальна, что растрогала моего лучшего друга и заставила его принять участие в моем похищении? Очень мило! И все придумала и организовала ты? Моя жена, которую я всегда...

– Что «всегда»? Любил? Берёг? А может, считал своей собственностью?

Вновь спокойно, почти равнодушно. Но на этот раз ее слова звучат для меня особенно хлестко и отрезвляюще, буд-

то пощечина. Мне нечего ответить, я лишь вопросительно смотрю на нее.

– Ты здесь, потому что это была единственная возможность остановить тебя и заставить посмотреть со стороны на себя. На то, что происходит. В той жизни, которую когда-то мы собирались разделить на двоих. И в которой теперь нет нас обоих.

– Слишком образно, я не понимаю.

– Или делаешь вид, что не понимаешь. Но я знаю тебя. Я знаю человека, за которого выходила замуж, и который обещал сделать нашу жизнь счастливой. Я знаю его таким, каким он был еще совсем недавно и таким, каким он стал теперь. И я не могу мириться с тем, что все получается совсем не так, как нам хотелось.

– И поэтому ты решила заточить меня в эти глухие стены без еды и туалета? А теперь приехала, чтобы окончательно изгнать из меня беса? А если не выйдет, то оставишь меня здесь на пятидневку? Или на месяц?

Я распаяюсь, с каждой минутой все явственнее чувствуя свою слабость перед ней. В эти минуты я сам себе напоминаю наказанного сорванца, который, чуть не плача от досады, никак не хочет признавать себя виноватым.

Алена делает паузу, затем продолжает:

– А еще я знаю, что тот, кого я любила и продолжаю любить, все еще здесь, в этом теле. Просто владелец тела сбил дыхание и потерял направление, считая, что его новый

имидж больше подходит для той суетной однообразной жизни, которую он вынужден вести и которая с каждым днем затягивает его все сильнее.

– Между прочим, я пришел в этот чертов бизнес ради тебя! – выкрикиваю я в ответ, но мой голос звучит почти жалобно. – Ради нас! Ради того, чтобы у нас всё...

– Но твоя услуга досталась нам обоим слишком высокой ценой, разве ты не видишь?! Ценой нашей разлуки! Ценой твоей разлуки с собой прежним! Ценой того, что день ото дня я все яснее вижу, что моя жизнь теряет смысл! Без тебя!

Не припомню, чтобы мне доводилось видеть ее в таком состоянии. Возбужденной, даже пылающей от прорвавшихся наружу страданий, незамеченных мной до сей поры. Она повышала голос очень редко. И теперь, когда это случилось, ее слова будто бы пронзили насквозь пространство и время. Весь этот мой странный день в одиночестве. Пронзили меня и мою жизнь, которая еще утром казалась мне безоблачной.

Алена отводит взгляд, неторопливо и немного рассеянно оглядывается по сторонам, словно пытаюсь отвлечься и собраться с силами. Когда ее голос слышится снова, он как будто становится прежним, но уже не кажется мне спокойным. В этой негромкой отчетливой речи сила и страсть. Едва уловимая, но от этого еще более значимая.

– Мне трудно говорить на эту тему. Наверное, оттого, что с некоторых пор я считаю это самым главным. Тем главным, о котором мы привыкли молчать, предпочитая каждоднев-

ное обсуждение каких-то житейских пустяков. Мы привыкли не замечать его. Жить другими категориями и считать, что оно может существовать только в каком-то другом измерении, изредка мелькать глубоко внутри нас, в наших потайных мыслях. Не в обыденной жизни, которая должна казаться простой, лишенной ненужных терзаний. Но в эти секунды и в этом месте она не властна над нами. Это мой шанс. Наш шанс. Важно, чтобы ты услышал. И понял. Мы можем изменить нашу жизнь, если очень захотим этого. Оба. Я верю в то, что мы... мы еще можем быть счастливы вместе. И предлагаю... объединиться. Вспомнить друг о друге и о самих себе. О наших планах, мечтах... О чувствах, которыми мы когда-то так щедро делились друг с другом, а теперь загнали внутрь себя... Мы должны понять, что ближе и роднее у нас никого нет. И раз так, то еще не поздно. То еще ничего не потеряно. Если держаться друг за друга.

Сказав это, она поднимает руки и протягивает их мне.

Ее глаза смотрят как-то по-особому. Смело, с вызовом. И еще в них я замечаю нежный свет, который кажется мне знакомым. Хватает доли секунды, чтобы опознать в нем моего недавнего неосязаемого гостя. Тот солнечный луч, прорвавшийся сквозь решетку, чтобы встретиться со мной. Только на этот раз препятствия были гораздо более трудными, хоть и невидимыми. Потому что выстроил их я сам. И все же этот луч здесь. В ее взгляде. Он пришел, чтобы очистить меня. Чтобы вернуть забытое, но пока не утраченное. Чтобы вер-

нуть мне самого себя. И то счастье, что все эти годы находилось рядом со мной. На расстоянии руки, которую мне осталось протянуть.

Март – апрель 2008

Эти стены еще живы

Сударыня! Эй, уважаемая! Зачем же вы это сделали? На нашей улице мало мусорных урн? Да вроде нет, теперь их должно быть достаточно, даже с запасом. А может быть, это такая новомодная забава – бросить жестяную банку в окно, пусть даже такого никчемного строения как я? В таком случае был рад позволить вам ею насладиться, да вот только не похоже, что вы довольны. Той же растерянной походкой следуете дальше, та же печаль на вашем молодом лице. Вообще, по-моему, слишком много черного в вашем внешнем облике. Ни одной светлой краски не в одежде, ни в макияже. Черные коротко стриженные волосы. Черные глаза, взгляд которых вы почти не поднимаете от асфальта. Тоже черного, кстати. Неужели у такого юного создания траур? Наверное, все же просто плохое настроение. Что ж, прогулка по нашей улице вам его вряд ли улучшит. Здесь лишь ветхие сооружения вроде меня, доживающие свои последние недели в этом городе. Впрочем, таких домов и таких улиц, как наша, все меньше. Постепенно начинают доминировать иные сооружения – современные, сверкающие, титаны. В сущности, безвкусные и однотипные, но раз они преобладают, значит такая архитектура кому-то нравится. С каждым годом этих строений становится все больше. А ведь именно они закрывают

от вас солнце и небо. Оставляют наедине с собой, со своими мыслями, причем опять-таки преимущественно темными. Жаль, что вы не чувствуете этого. Вы, люди. И, в частности, вы, дама нежного возраста, за которой будущее этого города. Хотя сейчас, полагаю, вы укоряете и сам город, и всех вокруг, включая меня, если вообще заметили, кому презентовали этот сувенир в виде банки с иностранным названием. Упрекаете всех нас за наше несовершенство. За то, что временами вам становится нестерпимо тоскливо, тесно в нашем обществе. Вам хотелось бы вырваться из этого сужающегося с каждым днем круга, но пока нет возможности. Не так ли? Когда она появится, вы постараетесь сделать этот "победный рывок" как можно скорее. Но что же дальше? Переедете в более крупный город с еще большим количеством огромных зданий и снующих вокруг них людей? Окружите себя массой сиюминутных дел, за которыми пройдет и ваша молодость, и ваша зрелость, и ваша старость? И все равно время от времени будете чувствовать то же самое. Нехватку воздуха и пространства.

Не очень умилительная картина – это людское состязание со временем в бег наперегонки. Неужели только неодушевленным предметам видна вся бесполезность этого занятия? Неужели только нам суждено раз за разом слышать всхлипывания разумных вроде бы существ о том, как быстро пролетела их жизнь и как мало удалось успеть? Ведь, как правило, они произносятся не для нас, бездушных, а в ваших

разговорах друг с другом. Это же ваши попытки поделиться с себе подобными сокровенным – вашими страхами и вашими радостями. Проблема в том, что, успокаивая друг друга, переживая друг за друга, вы не пытаетесь прислушаться и присмотреться друг к другу. Хотя можете связно общаться на одном эмоционально окрашенном языке. У вас есть уши, глаза. У вас есть руки, ноги. У вас есть сердце, душа. Вас всего лишь не обучили, как всем этим пользоваться, чтобы жизнь становилась упоительной. Чтобы каждая минута превращалась в песню. Чтобы гармония с самим собой и миром, в котором вы родились и живете, чувствовалась в каждом вашем поступке, шаге, мысли. Чтобы правильно. Чтобы без спешки. Чтобы от души и для души.

Вы не слышите друг друга, потому что не хотите. И, увы, не слышите нас, потому что не можете. Вот и вы, дорогая девушка в черном, уже находитесь далеко отсюда, не имея представления, что я все это время с вами разговариваю. Вон вы уже где, маленькая черная точка у второго дома от перекрестка. Пожалуй, он выглядит посвежее многих из нас, там не так давно был ремонт. И пятнадцати лет не прошло. Может быть, хотя бы его внешний вид поднимет ваше настроение, если это вообще чему-либо под силу. Очень бы хотелось, откровенно говоря. Человек в добром расположении духа вообще способен на многое. На светлые мысли в первую очередь. Которые рожают хорошие поступки, коих во все времена катастрофически не хватает. По крайней мере в те

времена, когда мне довелось здесь стоять. Стоять и наблюдать за тем, что происходит с моими жильцами – простыми вроде бы людьми, но в то же время далеко не простыми.

Всех этих людей объединяла их противоречивость. Склонность к подчас подсознательной внутренней борьбе между тьмой и светом. Способность и неспособность сделать верный и своевременный выбор, переступить какую-то невидимую границу в том или ином направлении. Иногда они поражали меня своим благородством, а иногда мне хотелось выбросить их же из себя и больше никогда не пускать на порог. Радостно видеть уважаемого человека, о котором посторонние люди в моих стенах говорят как о невероятном таланте и замечательном работнике. И трудно воспринимать его же оказывающимся наедине со своими домочадцами и теми бесцеремонными методами, которые он применяет для воспитания и наведения "порядка в доме". Словно забывшим, что перед ним такие же живые существа, как и он сам. Как и те люди, что знают его только с хорошей стороны... Или насколько тяжело видеть прожигающего свою жизнь впустую, спивающегося, теряющего человеческий облик парня (а во что он превратил квартиру!) И однажды узнавать из разговора явившихся внезапно новых постояльцев, что парень этот уже никогда не появится здесь, потому что, бросившись спасать чьего-то ребенка на пожаре, он сам не смог выбраться из огня. Он был покинут всеми, без постоянного заработка, ненавидим соседями за свои пьяные выходки. Да и мной,

признаюсь, тоже по этой же причине. И вот такая неожиданность. Трагическая. Но случайная ли? Сколько довелось видеть людей, как будто не сделавших ничего выдающегося и тихо ушедших незамеченными почти никем, но без которых этот город не смог бы жить своей мирной, полноценной жизнью? Кто-то просто работал, не жалея сил, чтобы прокормить семью. И так из года в год, терпя и борясь, пока от накопившейся усталости и стрессов у этого человека не отказывало сердце. Кто-то воспитывал детей в одиночку и выводил их в люди, а затем коротал остаток дней у фотографий – и снова в полном одиночестве, лишенный поддержки и заботы.

Кто сказал, что настоящих героев знают все? Кого именно знают? Кем восхищаются? Теми, кто мелькает на телеэкране и сыплет умными словами со страниц газет? Теми, кто уже после смерти получил памятную мраморную доску вроде той, что красуется на отреставрированном в прошлом году доме №12? Но сколько людей в этот самый момент совершают незаметные для других подвиги и идут дальше, не придавая значения сделанному. Они не считают себя особенными. Им не нужно повышенное внимание общества, не нужна слава, как и возможность ею воспользоваться. Многие из них хотят продолжать свою жизнь, до которой никому нет дела. Сохранять ее такой, какая она есть. Это их право. Мне жаль лишь, что свидетелем лучших людских проявлений моих постояльцев часто оказывался один я. И что об истинной

своей ценности люди зачастую не помышляют.

Рассуждать о том, разумно ли такое отношение людей к самим себе, не берусь. Да и бесполезно. Это человеческая природа, разобраться в которой до конца не под силу, наверное, никому. И, уж точно, это занятие не для меня. Я – всего лишь коробка для приема новых гостей. Вернее, был таковой когда-то. Никто не знает, о чем эти стены способны рассказать своим беззвучным голосом. Кроме, может быть, тех людей, которых что-то связывает с этим местом. Некоторые из них иногда проходят мимо. Замедляют шаг. Задумчиво так смотрят на меня, вздыхают, вспоминают. Я рад им, хоть они и не догадываются об этом. Ведь, по сути, теперь я стою только ради них. Ради их памяти. Но это, разумеется, слишком маленькая цена для того, чтобы оставаться здесь и дальше. Проходит время, наступает срок. Пора мне, это ясно.

Причем ясно стало еще до того, как мои жильцы разъехались по другим адресам. До того, как энергичные люди в костюмах приехали полюбоваться на место, которое займет мой "наследник". До того, как я стал приходить в полную негодность от отсутствия внимания и от безжалостного течения времени. Этот печальный момент наступил намного раньше.

У любого строения вообще не так много радостей. Конечно, прежде всего люди. Как правило, 24 часа в сутки кто-то есть, что-то происходит, даже по ночам кто-то не может уснуть от мыслей, волнений, радости, неприятностей. Но что

кроме этого? Кругом такие же дома, неслышно кряхтящие от старости, от дождей, снегов или палящего солнца. Да, есть птицы – забавные и беззаботные создания, как и люди, живущие по своему расписанию. Но что еще?

Мне повезло. Так уж сложилось, что с моей западной стороны не оказалось ни зданий, ни больших деревьев. Долгое время там был только пустырь, за которым простиралась река. Было время, когда здесь лишь играли мальчишки, прогуливались влюбленные, отдыхали на лавочках пенсионеры... Да, теперь трудно поверить, что такое было.

Закат.

Были годы, когда весной и летом я почти каждый день видел перед собой садящееся за горизонт солнце. Осенью и зимой это случалось реже, но такие вечера неизменно становились подарками для меня. В минуты заката я чувствовал себя по-настоящему счастливым и молодым. Мне хотелось радовать всех своим неизвестно кем выбранным светло-коричневым цветом, сиять отблесками солнца в оконных стеклах, озаряя все вокруг. Я любил весь мир, даже гадающих на меня птиц и пьяниц. И чувствовал себя необходимым, важным, замечая, как мои жильцы, забывая о неотложных делах и раскрыв от удивления рты, смотрят на это чудо вместе со мной.

Каждый закат отличался от предыдущего. Я ни разу не видел одинаковой картины. Мне казалось, что солнце и облака – тоже живые существа, просто никто не может понять язы-

ка, на котором они разговаривают. Мне казалось, что еще чуть-чуть, вот-вот я узнаю, о чем говорит со мной это светило, прежде чем расстаться до следующего сеанса. Для меня не было ничего прекраснее розовой дали и каравана облаков, каждое из которых словно знало свое место на этом живом полотне – настолько правильным и выверенным было каждое движение этой летающей воздушной массы.

Зимой солнце, садясь, отражалось от снега, и уже равнодушная белая земля словно преображалась, начинала играть новыми красками. Она оживала, она дышала, она говорила. Пела. И снова мне казалось, что я слышу эти звуки, складывающиеся в слова. Мне мерещилась благодарность, желание поскорее снова увидеться. Наверное, об этом шептало и все вокруг. Во всяком случае я в такие скоротечные минуты молил только о следующем свидании.

Но у времени были на этот счет свои планы. "Ничто не вечно", как говорят люди. А прекращая говорить, они начинают действовать. Мой пейзаж был слишком дорогим удовольствием, чтобы им можно было наслаждаться лишь мне с моими постояльцами. На пустыре стали возводить новое здание. Это и стало началом моего конца. Конечно, все было не сразу, не в один миг. На какое-то время стройка замерла, и мне даже показалось, что высшие силы пришли на помощь нам. Но нет. Строительство было завершено. А за год с небольшим до этого – когда начали строить предпоследний этаж кирпичного монстра – закат исчез для меня наве-

гда. Теперь даже в ясный день лучи перестают достигать моей крыши еще тогда, когда планы солнца относительно захода чрезвычайно неопределенны. В эту пору оно лишь жарко освещает и целиком поглощено этим, просто находится на работе. Это не то солнце, каким я его знаю. Как женщина, бесстрастно исполняющая свои служебные обязанности в будничный день, уже не кажется мужчине идеалом возвышенной красоты, символом нежности и добродетели.

Люди в моих квартирах (особенно те, что постарше) огорчались, лишившись вечернего зрелища. Но что они могли сделать? Городом правили более могущественные силы, чем обитавшие в этих стенах. В конце концов, это не самое плохое, что могло случиться с моими постояльцами. И утешений, и других отдушин существовало для них предостаточно. Но не для меня.

С того времени я больше никогда не ощущал себя тем, кем (именно "кем") был на закате. И тогда мне впервые захотелось уйти. Превратиться в руины. Прекратить эту медленно тянущуюся старость. Наверное, этим я отличаюсь от моих каменных сотоварищей по улице. Те только жалуются то на людей, то на животных, то на погоду, то еще на что-то. Но цепляются за свое стояние, борются за него, если так можно выразиться. Старики и есть старики. Я не жалуясь. И не борюсь. Просто знаю, что хорошо мне уже не будет.

Я застал войну. Хоть сейчас и не верится, прошло столько времени. В те годы я очень боялся погибнуть. Меня толь-

ко-только отстроили, мои первые жильцы не провели в моих стенах и пары лет. И вдруг такое. Город опустел, съежился как-то. Становилось страшнее день ото дня. Дни ожидания. Стояла такая тишина, во время которой казалось, что стены не выдержат напряжения и рассыпятся в прах. Что стекла повывлетают. И это было лишь начало. А затем наступили по-настоящему черные дни. Рев двигателей над городом до сих пор отдаленно слышится мне, когда звуки стихают. И я по-прежнему никак не могу привыкнуть к мирным самолетам, что порой кружат в небе. Для меня этот гул до конца моих дней будет значить только одно. Бомбардировки. Город, превратившийся в один большой взрыв. Грохот, мрак. Кошмар, который, казалось, ни одно живое существо не смогло бы пережить. И дым, рассеивающийся после того, как снова на время все стихает. И тот же город. Вернее, уже далеко не тот. То, что от него осталось. Неузнаваемый, опустошенный, разрушенный. Воронки и пепел. Редкие чудом уцелевшие дома. Колокольня в нескольких кварталах отсюда. Сейчас я лишь могу слышать ее надрывный звон, а разглядеть не смог бы, даже если бы был на три этажа выше. А тогда мы смотрели друг на друга. Почти одни. В немом ужасе. В непередаваемом ужасе. Не зная, увидимся ли на следующий день.

Когда все окончательно закончилось, живых и полуживых строений осталось в городе не более полусотни. По крайней мере, так мне казалось. Вернулись люди. Они победили.

Осознание этого прибавляло им сил. Они радовались, встречаясь. Люди, до войны едва знавшие друг друга, становились одной семьей. Они находили свои дома или всего лишь их останки. Они плакали – навзрыд или тихо-тихо, вспоминая тех, кого не вернуть, вспоминая свою прежнюю жизнь. По многим было видно, что только победа поддерживает в них желание жить дальше. У них была надежда на лучшее. У меня тоже была такая надежда, тем более что я пострадал не так уж сильно. Я чувствовал гордость, встречая своих людей, видя изумление и облегчение на их лицах. Да, я выстоял, входите и располагайтесь.

Тогда мне хотелось жить долго-долго. Мне казалось, самое страшное из всего, что можно было придумать, уже произошло. Все вернулось "на рельсы", город стали восстанавливать, он становился еще лучше и красивее, чем был. И от этого улыбки на лицах появлялись все чаще. Люди, получившие свыше такое сверхиспытание как разрушительная и кровопролитная война, с честью выдержали его. И заслужили это трудное, полное лишений и страданий послевоенное счастье. И я вместе с ними. Я был частью их новой жизни. Становилось легко от вида людей, шагающих по улицам. От вида птиц, вернувшихся в этот город со своими бесшабашными звонкими песнями.

А сейчас все чаще приходят дни, когда мне хочется, чтобы моя жизнь закончилась еще тогда. Как-нибудь внезапно. Какая-нибудь мина бы запоздало взорвалась, когда никого

из жильцов не было бы дома. Куда приятнее умирать, когда преисполнен ощущения, что все прекрасно, чем от глубокой старости в состоянии полного неприятия наступившего времени, до которого когда-то так хотелось дожить.

Я совсем один. Я лишен надежды, что от будущего стоит ждать чего-то хорошего. Людей на нашей улице теперь я вижу все реже и реже. Но даже по тому, что я вижу, можно сделать вывод. О том, что мое время ушло безвозвратно и очень давно. Мне жаль это понимать, ведь как бы ни было мне плохо, эти стены еще живы. Им хочется тепла так же, как и всем на этой планете. И хотя я с нетерпением приближаю тот день, когда меня освободят от этого бесцельного существования, мне хочется, мне еще очень хочется получить от этой жизни хоть какой-то прощальный подарок, какой-то знак внимания. Сомневаюсь, что жестяная банка в моем окне подойдет в этом качестве, но, кто знает, может быть, ее можно расценивать как некое знамение? Не унывай, мол, старик, не все еще потеряно... У тебя еще есть право на мечты, которые могут сбыться. Не в этой жизни, так в следующей...

В следующей жизни я бы с радостью согласился стать человеком. Это огромный, необыкновенный, полный загадок и внезапных разгадок, мир. Это совершенный, хоть и быстро стареющий механизм. Свобода передвижения, возможность путешествовать... Разве это не прекрасно? А способность разговаривать? Чудо! И еще это реальная перспектива сделать жизнь вокруг лучше. У меня нет ни единого шанса по-

мочь людям в моей нынешней оболочке, но... Если только в новой жизни мне удастся достичь необходимого уровня понимания вас, живые создания, то, может быть, в нашем городе действительно станет немного светлее и теплее?.. Во всяком случае, надеюсь, дома не будут красить в такой бестолковый цвет как мой.

Мне хотелось бы многому научиться у вас, люди. Всему лучшему, на что вы способны. А способны вы на очень многое, хоть и не всегда догадываетесь об этом.

Но для начала мне необходимо научиться принимать свой скорый уход с достоинством. Как одна из женщин, которая когда-то жила в этих стенах. То была пожилая женщина, она являлась всеобщей любимицей, поскольку не теряла самообладания даже в самые тяжелые периоды своей жизни. Ее сын – один из немногих моих довоенных жильцов, не вернувшихся с войны живыми. Она осталась одна. И хотя были соседи, друзья и дальние родственники, иногда навещавшиеся к ней, мне кажется, она выжила не благодаря их поддержке, а потому что всегда верила в лучшее. Ее слез никто, кроме меня, не видел. Она держалась молодцом и любила повторять, что все будет хорошо. А когда пришел ее черед, и у ее постели собрались самые близкие, она попросила... побелить оконную раму и повесить новые занавески веселых тонов. Я помню, как один из членов семьи, глотая слезы, выполнял эту ее последнюю просьбу. Тогда это окно на первом этаже стало моим самым нарядным. И настолько отли-

чалось от остальных, что часто привлекало внимание прохожих. Они удивлялись, оборачивались, шли дальше своей дорогой, но я чувствовал, как частичка внутреннего света той женщины уходила вместе с ними.

Может быть, и мне все же удастся оставить какую-то память о себе. О людях, которые жили здесь и продолжают жить в моих воспоминаниях. Кто знает, может быть, иногда чудеса все-таки случаются?..

Январь 2007